

Заробитъ (заробыты)—заработать.

Затруситъ (затруситы)—засыпать что либо чѣмъ нибудь сыпучимъ.

Звоны (дзвонь)—колокола.

Кабатъ—рубаха съ разрѣзнымъ на груди воротомъ, одѣваемая, подобно малицѣ, поверхъ кафтана, или полушубка. У Малороссiянъ *кабатомъ* называлась верхняя одежда, нынѣ вышедшая изъ употребленiя.

Кибалка—кокошникъ. По малороссiйски *кибалка*—родъ головного убора, который также почти вышелъ изъ употребленiя.

Капость—пакость.

Каюкъ—родъ судна. Слово *каюкъ* татарско-финскаго происхожденiя. Малороссiяне заимствовали его отъ Татаръ, а Великоруссы отъ Финновъ.

Козакъ—работникъ, по малороссiйски иррегулярный воинъ.

Курева (по малороссiйски *кура, курява*)—метелица.

Кутъ—дальнiй уголь печи; по малороссiйски *кутъ* и *кутокъ*—всякiй вообще уголь.

Лоншакъ—прошлогоднее животное; въ Литовскомъ Статутѣ также животное называется *лонскимъ*, или *лонщакомъ*, отъ слова *лонисъ*—въ прошломъ году.

Молоди—вновь выросшiй, ровнiй лѣсъ, у малороссiянъ *молоньякъ*—молодыя отрасли деревь.

Михоноша—тотъ изъ христославцевъ, который носитъ съѣстное. подаваемое хозяевами. Слово это происходитъ отъ *мѣхъ* и *носитъ*. По малороссiйски *мѣхонша* называется тотъ, кто носитъ мѣшокъ въ какой бы то-нибыло компанiи; на примѣръ во время рождественскихъ святокъ, во время рыбной ловли и пр.

Майданъ—мѣсто, гдѣ *сидятъ смолу*; Малороссiяне майданомъ называютъ, кромѣ заведенiя для гонки смолы, еще кирпичный заводъ. У Запорожцевъ майданъ означалъ плащадь. Это слово заимствовано изъ Арабско-Персидско-Татарскаго языковъ, гдѣ оно значитъ: открытое мѣсто, площадь, ристалище.

Марево —миражъ.

Мыша —мышь.

Очумить (*очумиты*) —потерять память отъ головокруженія.

Очапокъ (*очіпокъ*) —головной уборъ замужнихъ женщинъ.

Печина (*печына*) —куски глины, выпавшіе изъ печп.

Плаени —поемныя мѣста.

Полица (*польця*) —полка, сдѣланная изъ доски.

Половодье —разливъ рѣкъ весною.

Прутки —вязальныя спицы.

Пасынокъ —меньшее изъ двухъ, сросшихся вмѣстѣ деревъ; по малороссійски такъ называются отростки огородныхъ овощей, напримѣръ капусты и пр.

Порховица (*порхавка*) —дождевикъ (родъ гриба; *Licoracodon*).

Ряда —условіе, уговоръ. Слово это встрѣчается уже у Нестора и въ Русской Правдѣ. Въ малороссійскихъ думахъ оно измѣнилось въ слово *рядна*.

Рямки (*рямья, рямтя*) —лохмотья.

Ручникъ (*рушныкъ*) —полотенце.

Родимецъ (*родымецъ*) —дѣтская болѣзнь.

Слопецъ (*слопецъ*) —деревянное орудіе для ловленія птицъ.

Соромъ —срамъ.

Ситный хлѣбъ (*сытный хлѣбъ, ситныця*) —хлѣбъ, приготовленный изъ обдирочной ржаной муки и просѣянной не рѣшетомъ, а ситомъ.

Трескать (*тріскаты*) —жрать.

Тресся (*трясьця*) —лихорадка.

Турить (*турыты*) —выгонять вонъ, гнать.

Тюра—кушанье, состоящее изъ кусочковъ ржаного хлѣба, намоченныхъ въ водѣ, съ солью.

Теперенько (*теперынкы*)—теперь.

Тымъ, тыхъ, тыми—тѣмъ, тѣхъ, тѣми.

Уразъ—зажившая рана; по малороссійски *уразыты*—растравить, повредить зажившую рану.

Уторы—дна въ бочкахъ.

Хапано (*хапане*)—крадено.

Харчить—имѣть сытный столъ; по малороссійски *харчытыця*—коршиться, прокармливаться.

Хлапъ—валеть.

Цецарка—курица венгерской породы.

Чествовать (*частуваты*)—подчивать.

Чуть—слышно; *не чуть*—не слышно.

Яловый—бездѣтный, бесплодный (о животныхъ и птицахъ).

Шукать—искать.

Що (*що*)—что.

Чумакъ—кабацкій сидѣлецъ, цѣловальникъ, на примѣръ въ былинѣ про Дуная Ивановича:

Приходилъ Малюта на царевъ кабакъ:

Ай же вы чумаки-цѣловальники!

Берите вы денегъ сколько надобно,

А отдавайте-ко платъе Дунаево.

По малороссійски чумаками называются извозчики, отправляющіеся изъ Малороссіи въ Крымъ за солью и къ портамъ Азовскаго и Чернаго моря за рыбой. Думаютъ, что это слово татарскаго происхожденія.

П. Ефименко.

ДЕМОНОЛОГИЯ ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

И. ЛЬШИЙ.

Надъ зайцами, лисицами, волками, медвѣдями, оленями, бѣлками и вообще надъ всѣми, большими и малыми, дикими животными и даже надъ птицами есть свой *набольшій*, или *хозяинъ*. Дикія животныя и птицы дѣлятся по урочищамъ; такъ что животное одного урочища не смѣетъ перебраться въ другое. Это дѣлается по распоряженію *набольшаго*, или *Льшаго*.

Льшій имѣетъ человѣческой видъ, только нѣтъ у него бровей и носдрей; тѣло его покрыто густыми волосами (мохнатый). Онъ кричитъ на разные голоса: и по ребячьи, и по бабьи, и по мужичьи, ржетъ и по лошадиному. Льшій, какъ всѣ *нежити* и *еретики* (т. е. колдуны) носятъ верхнюю одежду лѣвою полою на верхъ *). Онъ имѣетъ семейство, съ которымъ живетъ въ богатомъ дворцѣ, находящемся въ лѣсной трущобѣ; въ лѣсу онъ бываетъ ровень съ лѣсомъ, въ травѣ съ травой наравнѣ. Занятія и свойства *Льшаго* слѣдующія: онъ пасетъ скотъ и лѣсныхъ звѣрей, сбиваетъ людей съ пути и защекочиваетъ ихъ, воруетъ дѣтей и носится въ видѣ вихря; онъ боится креста, пояса и головни.

Родина нашихъ предковъ, языческихъ Славянъ, была покрыта первобытными, дѣвственными лѣсами, въ которыхъ водились многоразличныя породы лѣсныхъ животныхъ. Лѣса имѣютъ въ себѣ что то таинственное; въ нихъ всякое явленіе получаетъ какой-то особенный отпечатокъ; крикъ звѣрей и лю-

*) Замѣчательна распространенность и косность самыхъ мелочныхъ народныхъ обычаевъ и повѣрій: какъ здѣсь, такъ и въ Малороссіи народъ до сихъ поръ носитъ верхнюю одежду правою полою на верхъ, въ отличіе отъ *Льшихъ* и колдуновъ! Въ Архангельской губерніи говорятъ, что если надѣтъ верхнее платье, застегнутое на правую сторону, то *Льшій* унесетъ.

дей, пѣніе птицъ, шорохъ деревь и листьевъ, завываніе вѣтра и буря; все это въ лѣсу получаетъ особенно странный и страшный характеръ. Первобытный человѣкъ, попавши въ лѣсъ, не могъ углубиться въ себя, сосредоточиться; всякій шорохъ листьевъ, крикъ животныхъ пугалъ его, заставлялъ вздрагивать и оглядываться.... Въ лѣсу фантазія дѣйствуетъ сильнѣе, нежели на открытомъ мѣстѣ, и легче создаетъ разные фантастическіе образы... Видя и наблюдая различныя явленія, происходящія въ лѣсахъ, первобытный человѣкъ хотѣлъ объяснить ихъ, отыскать ихъ причину. Но не будучи въ состояніи, по своей неразвитости, найти реальную причину явленій, не будучи въ силахъ отыскать взаимной зависимости ихъ, онъ создаетъ себѣ невидимую силу, дѣйствіемъ которой и объясняетъ видимыя явленія, духа, которому, по мѣсту нахождения, даетъ названіе *Лѣшаго, Лѣшака и Лѣсовика*.

Сло о Лѣшій тождественно съ слогомъ лѣсной; именно въ этомъ смыслѣ оно употребляется въ древнихъ актахъ временъ новгородской республики; напримѣръ *лѣшя* избушка, *лѣшіе* промыслы, *лѣшіе* лѣса (въ которые не было вѣзда для рубки) *).

До настоящаго времени народная фантазія поддерживаетъ образъ лѣсныхъ духовъ и дѣйствіемъ ихъ вои объясняетъ многія явленія, совершающіяся въ лѣсу. Периодическія движенія животныхъ и перелеты птицъ сильнѣе всего привлекаютъ на себя вниманіе простаго человѣка. Какъ же онъ можетъ естественнымъ образомъ объяснить себѣ эти явленія, когда сама наука до сихъ поръ не объяснила ихъ? По необходимости народъ долженъ былъ приписать передвиженія животныхъ, въ особенности такъ называемаго *текучаго звѣря* **) богу лѣсовъ—Лѣшему. Когда бываетъ такое передвиженіе, то народъ говоритъ что одинъ Лѣшій проигралъ другому въ карты своихъ животныхъ. Лѣшій, по народному вѣрованію, гонитъ звѣрей и птицъ на войну; онъ также пасетъ скотъ. Тѣ пастухи, которые знаютъ съ Лѣшимъ во все не пасутъ скота, самъ Лѣшій пасетъ. За это они даютъ ему дань: первое яйцо, полученное отъ попа во время христосованья (на первый день пасхи), или *одношрст-*

*) Арх. Губ. Вѣд. 1838 г. № 28.

**) *Текуій звѣрь, теча*, или *припускъ*, тѣ породы животныхъ (бѣлки, песцы, полевая мышь), которыя периодически являются въ иные года во множествѣ; это появленіе случается черезъ два три года и рѣже. Причиной передвиженій считаютъ недостатокъ кедровыхъ орѣховъ и еловыхъ шишекъ, которыми питаются эти животныя, но такое объясненіе не подтверждается наблюденіями. Арх. Губ. Вѣд. 1849 г. № 27.

ную (одной масти) скотину. Какимъ образомъ они отдають ему эту дань, разскащики не могли мнѣ объяснить, а передали только то, что пастухи вмѣютъ съ нимъ *переговору*, и что они видятся съ нимъ. Въ Архангельской губерніи пастухи не дозволяютъ въ теченіи цѣлаго лѣта бить скота, даже хозяевамъ, потому что ежели *окроватитъ поскотину*, то звѣрь станетъ *пакоститъ*, по наущенію Лѣшаго. Это суевѣріе вмѣетъ то вредное послѣдствіе, что жители сѣвнней губерніи не могутъ достать себѣ мяса въ продолженіи всего лѣтняго времени, и принуждены питаться гнилою зловонною рыбою.

Великороссіяне всѣхъ губерній представляютъ Лѣшаго существомъ злымъ; онъ, по ихъ понятіямъ, то садится въ сани къ проѣзжающимъ, въ видѣ женщины, при чемъ бѣдная лошадь отъ чрезмѣрной тяжести покрывается пѣною; то, въ видѣ путешественника, переходитъ имъ дорогу въ образѣ высокорослаго мужика, съ огромною дубиною въ рукахъ, гагайкаетъ въ дали, аукается и хлопаетъ въ ладоши. Обошедши крестьянина, онъ заводитъ его въ труппу, начинаетъ щекотить, пока не защекаетъ до смерти. Они представляютъ его также въ видѣ вихря, будто бы онъ, въ это время, танцуетъ на своей свадьбѣ съ Лѣшачихой. тобы его увидѣть въ этомъ положеніи, надобно стать къ вихрю спиною, наклониться и смотрѣть на него между ногъ, или взять собаку, да у ней смотрѣть такимъ же образомъ *).

Предлагаемъ пять разсказовъ о Лѣшемъ, записанныхъ нами въ г. Онегѣ; по нимъ можно познакомиться со всѣми характеристическими особенностями Лѣшихъ.

1.

Ходила я съ матерью въ лѣсъ. Вдругъ вижу: идетъ женщина съ *зобенкою* (корзинка), собираетъ ягоды *мороху* (морошка); на ней печатный сарафанъ, пестрядицвы нарукавники, платокъ на головѣ; ростомъ же она съ лѣсомъ въ ровень. Я мертво заревѣла, какъ увидѣла. Прибѣжала мать: что ты Богъ съ тобою. Жонка, Лѣшачиха ходитъ, говорю. Посмотрю, а ее уже не стало.

2.

Невѣстки моей Катерины мать ходила удить; вдругъ на горѣ слышитъ: у! Афимья, ходи сюда! все кричитъ онъ (т. е. Лѣшій): у! Афимья, ходи сюда!

*) Русскій Дневникъ. 1859 г. № 25.

Можетъ быть это былъ знакомый Аѳимья, замѣтилъ я.

Ужъ какой тамъ знакомый ночью, никого не могло быть, отвѣчала разскащица.

3.

Мужикъ Кузьминъ разсказывалъ мнѣ и божился: выхожу я каждый годъ въ лѣсъ на святки, и онъ (Лѣшій) выйдетъ и спрашиваетъ: что тебѣ надо? а Кузьминъ начинаетъ спрашивать: каковъ годъ? каковъ хлѣбъ? будетъ ли солдатчина? будетъ ли въ морѣ рыба? Лѣшій говоритъ—будетъ или нѣтъ; такъ до трехъ разъ. За третьимъ разомъ Лѣшій захохочетъ и сказавши: ахъ, дуракъ, все одно слово помнить (т. е. все спрашиваетъ объодномъ)!—уйдетъ въ лѣсъ.

4.

Ходилъ полѣсовщикъ *) по лѣсу, стрѣлялъ птицъ, и пришелъ въ избушку почевать; избушку вытопилъ, поставилъ варить птицу, а самъ легъ на лавкѣ, отдыхаетъ. Вдругъ залаяла собачка на дворѣ, и видитъ пихается въ дери въ родѣ чловѣка необнаковенной величныи; потомъ зашелъ въ избушку, держитъ младенца на рукахъ и повертываетъ его передъ очагомъ, хочетъ отогрѣть его. Младенецъ реветъ въ рукахъ, наконецъ чихнулъ. Полѣсовщикъ говоритъ: съ нами Святъ Духъ, яко съ нами Богъ. Онъ (Лѣшій) бросилъ младенца, унесъ стойки и дери, все выломилъ, вышибъ, да и убѣжалъ; а младенецъ у мужа остался. Лѣшій уворовалъ его у кого нибудь.

5.

Сталъ помирать пастухъ, и говоритъ другому: я тебѣ, братъ, оставлю наслѣдство; паси коровъ; медвѣдь не съѣстъ ни одной, только слушай, что я тебѣ накажу; далъ ему *трубу* да *палочку*, и приказываетъ: вотъ до такого мѣста коровъ прогони, да и назадъ воротись, и не ходи больше въ лѣсъ; а какъ надобно коровъ домой гнать, въ то время пойдя, потруби, придутъ всею домой. Онъ такъ и дѣлалъ. Скотъ приходилъ самъ домой, какъ будто его кто собиралъ. Разъ пастухъ напился пьянъ, и ему захотѣлось полюбопытствовать, какъ они собираются изъ лѣсу

*) Полѣсовщики—охотники за дичью; они ночуютъ въ лѣсныхъ избушкахъ, которыя строятся мужиками во время страды отъ комаровъ и отъ дождя.

домой; пошелъ въ лѣсъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ коровы ѣдятъ траву, потрубилъ. Смотритъ: бѣжитъ жонка оборванная, ободранная, все платьишко на ней изорвано обѣ лѣсинѣ, и кричитъ на коровъ, гонитъ ихъ, съ прутомъ бѣгаетъ. Какъ только увидѣла пастуха, бросила вицу: на, говоритъ, паси самъ, я колько годовъ пасла.... Эта была Лѣшачиха.

Для полноты характеристики языческаго бога лѣсовъ, считаемъ нужнымъ разсказать какія понятія о немъ имѣютъ жители Южной Россіи. Великороссійскому Лѣшему у Малороссіянъ соответствуетъ *Лисунъ*, иначе называемый *Полисунномъ* и *Лисовыкомъ*. Лисунъ въ настоящее время считается богомъ однихъ волковъ, которыхъ онъ пасетъ и гоняетъ на войну; онъ похожъ на человѣка, но не бросаетъ отъ себя тѣни; ростъ его измѣняется, смотря по тому, высокъ ли лѣсъ, въ которомъ онъ обитаетъ: какой высоты лѣсъ, такой и лѣшій; у него въ рукахъ плеть. Лѣшій устанавливаетъ цѣны на товары,—по этому безъ него никогда не бываетъ ярмарки; на ярмаркѣ его можно узнать тѣмъ, что у него лѣвая пола верхней одежды наверху, тогда какъ всѣ носятъ правою полою на верхъ Жена Лѣшаго, *Льсунка*, воруетъ младенцевъ и держитъ ихъ при себѣ. Бывали случаи, что находили лѣсунковыхъ дѣтей въ лѣсу. Лѣшачиха отличается отъ обыкновенной женщины тѣмъ, что она имѣетъ такія большія груди, что должна перебрасывать ихъ черезъ плечи, чтобы не мѣшали ходить.

Если въ теперешнихъ малороссійскихъ разсказахъ Лисунъ выстаетъ божествомъ однихъ волковъ, то это объяснить не трудно.

Въ старину, когда въ малороссійскихъ лѣсахъ водились различные породы животныхъ, именно: лоси, серны, медвѣди, куницы и т. д., тогда Лисунъ считался покровителемъ всѣхъ этихъ животныхъ, по мѣрѣ же того, какъ породы лѣсныхъ звѣрей начали исчезать одна за другой, дѣятельность Лисуна ограничивалась покровительствомъ только существующимъ породамъ. Наконецъ, когда изъ большихъ животныхъ одни волки остались обитателями лѣсовъ, Полисунъ сдѣлался покровителемъ ихъ однихъ. Въ Бѣлороссіи, гдѣ существуетъ до сихъ поръ множество видовъ лѣсныхъ животныхъ, Полисунъ простираетъ свою власть на всѣхъ ихъ; а въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ вовсе нѣтъ лѣсовъ, тамъ Лисуна не знаютъ даже по имени *). На

*) Статьи о Полисунѣ мои, гг. Тищинскаго и Исаенка. Черниг. Губ. Вѣд. 1859 и 1860 г.

Сѣверѣ Россіи, покрытомъ дремучими лѣсами, вѣрованіе въ Лѣшнихъ столь распространено между всѣми сословіями, какъ сельскими, такъ и городскими, что многіе не знаютъ различія между ними и чертями вообще; даже въ ругательствахъ здѣшніе жители постоянно упоминаютъ имя Лѣшаго. Понятіе о лѣсномъ духѣ существуетъ во всѣхъ странахъ, гдѣ только есть лѣса; у Римлянъ были извѣстны фавны или сільваны (ота silva—лѣсъ); у Грековъ *сатары*, у Нѣмцевъ *вальдтейфелы*, и Литовцевъ *Гирріетисъ* (gige—лѣсъ) и Р. гана, у Финно въ *Tanio*, имѣющій жену *Телерво*, дѣтей и слугъ, *Танолайненъ* и *Таніотаръ* и т. д.

Мы привели выше рассказы о томъ, какъ одна женщина видѣла Лѣшачьку, а другая слышала крикъ Лѣшаго. Какъ же объяснить эти видѣнія?

Посредниками между внѣшнимъ міромъ и нашимъ сознаниемъ служатъ органы чувствъ; они передаютъ впечатлѣнія внѣшней природы нашему мозгу чрезъ посредство нервовъ. Положимъ передъ нами находится какой нибудь предметъ. Въ нашемъ органѣ зрѣнія, какъ въ зеркалѣ, получается его изображеніе; это изображеніе раздражаетъ зрительный нервъ, при чемъ возбужденное состояніе распространяется потомъ на волокна мозга; соотвѣтственно тому въ нашемъ сознаниі рождается представленіе этого предмета. «Но такая передача возбужденнаго состоянія можетъ происходить и обратнымъ путемъ, т. е. отъ мозга къ органу чувствъ. Вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія дѣятельность мозговыхъ волоконъ, обуславливающая представленіе опредѣленнаго предмета, можетъ быть до того жива, что распространяется на зрительный нервъ и какъ скоро это произойдетъ, человѣкъ теряетъ возможность отличить мысленныя изображенія отъ дѣйствительныхъ. Тогда происходитъ галлюцинація, или обманъ чувствъ. Человѣкъ видитъ несуществующіе передъ нимъ предметы такъ ясно и отчетливо, какъ дѣйствительные, слышитъ голоса тамъ, гдѣ никто не говоритъ, а самага себя почитаетъ лишь пассивнымъ зрителемъ всей этой фантазмагоріи» *). Наука представляетъ множество примѣровъ видѣнія духовъ, или привидѣній. Есть цѣлыя секты духовидцевъ, или мистиковъ. Между учеными были также духовидцы. Здѣсь можно указать на знаменитаго шведскаго ученаго Сведенборга и на Николаи. Первый пріобрѣлъ даже цѣлую толпу послѣдователей, вѣрившихъ, что ихъ учитель точіо имѣлъ сообщеніе съ міромъ духовъ. Второй много лѣтъ сряду видѣлъ во

*) Этюдн. Шлейдена.

кругъ себя самыхъ разнообразныхъ духовъ, и хотя онъ вполне сознавалъ, что это зависѣло отъ обмановъ болѣзненно-возбужденныхъ его чувствъ, но не могъ всею силою своей воли избавиться отъ видѣній *). Въ простомъ, необразованномъ классѣ народонаселенія, гдѣ вѣра въ духовъ развита—въ высшей степени, видѣнія привидѣній случаются гораздо чаще, нежели въ образованномъ сословіи.

Подобныя частыя видѣнія могли служить одной изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ образованію понятія о *духѣ*, какъ существѣ невидимомъ, но могущемъ принимать и реальныя формы. Вѣрованіе въ невидимыхъ духовъ опиралось на первыя наблюденія надъ газообразными веществами, которыхъ нельзя видѣть, но можно ощущать. На эту мысль наводятъ филологическія сближенія во многихъ языкахъ словъ, выражающихъ *воздухъ, процессъ дыханія и безтѣлесныхъ духовъ*. До сихъ поръ еще народъ иначе и не можетъ себѣ представить божества или духа, какъ подъ видомъ тонкой газообразной матеріи.

Лѣшій, какъ духъ злобный, боится креста, головни и пояса, и хватаетъ въ лѣсу тѣхъ, кто не имѣетъ этихъ предметовъ. *Крестъ и поясъ православному христіанину намотъ*, говорятъ крестьяне; *хорошему чловѣку безъ пояса негодится спать*. Ясно, что: крестъ, головня и поясъ имѣютъ одинаковое священное значеніе въ глазахъ простонародья. Рождается вопросъ: почему это такъ?

Въ 16-мъ столѣтіи, въ эпоху завоеванія Мексики, на одномъ изъ вестъ-индскихъ острововъ, во дворцѣ языческаго храма, Испанцы неожиданно нашли крестъ, сложенный изъ камней и извести, вышиною около десяти пядей. Присутствіе креста на этомъ мѣстѣ разумѣется крайне удивило ихъ и внушило самыя несообразныя догадки не только безграмотнымъ солдатамъ 16-го столѣтія, но и, въ послѣдствіи времени, европейскимъ ученымъ, ломавшимъ себѣ голову надъ вопросомъ, какія племена могли ввести въ эти мѣста священный символъ христіанства. Позднѣйшія изысканія привели къ открытію любопытнаго факта, что крестъ былъ предметомъ религіознаго почитанія во многихъ странахъ стараго и новаго свѣта, въ которыя никогда не проникалъ свѣтъ Христова ученія **). Такъ въ Египтѣ на древнихъ

*) Этюды. Шлейдена. М. 1861 г. стр. 306.

**) Завоеваніе Мексики. В. Прескотта. Отеч. Зап. 1848—49 г. стр. 131.

намагивкахъ нашли изображеніе божества Пахта съ крестомъ въ рукахъ и съ солнечнымъ кругомъ надъ головой. (Солнечное сіяніе (ареолъ) знакъ того, что Пахтъ было божество свѣтлое, доброе *). Индусы дѣлали изображеніе креста, въ основаніи котораго находился кругъ, на челѣ бога стады Поллеара и на бедрахъ рогатаго скота для того, чтобы предохранить его отъ нечистой силы, и чтобы онъ лучше плодился. Литовцы такой самый знакъ налепляли на лепешкахъ и блинахъ, приготовляемыхъ въ день поминковъ по усопшимъ. *Пилчуки* налепляютъ крестъ съ кружкомъ на свадебныхъ короваяхъ **). Малороссійское простонародье на Крещеніе чертитъ изображеніе креста на дверяхъ и окнахъ домовъ и на воротахъ хлѣбовъ для того, чтобы стогнать злыхъ духовъ, которые въ это время вылѣзаютъ изъ воды. У Великовъ ссіянь крестъ до сихъ поръ служитъ надежнѣйшимъ орудіемъ противъ нечистой силы. Ложась спать, они ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ и слѣдующимъ заклинаніемъ, въ которомъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей: «Крестомъ крещусь, крестомъ огражусь, крестомъ ангела призываю, крестомъ врага (т. е. черта) отгоняю. Будь проклятъ врагъ отъ имени Господня, отъ Духа Святаго. На церковь крестъ, на престоль крестъ и на рабъ Божьемъ N крестъ ***),

Для объясненія почему именно крестъ, а не другой какой либо знакъ, служилъ у язычниковъ символомъ добраго божества и талисманомъ противъ нечистой силы, надобно обратиться къ народнымъ вѣрваніямъ самой ранней эпохи. Каждый народъ, въ извѣстный періодъ своего развитія, поклоняется свѣтлдамъ, стихіямъ и небеснымъ явленіямъ. Солнце и луна въ этотъ періодъ почитаются главными божествами. Къ числу небесныхъ явленій принадлежатъ, между прочимъ, извѣстное явленіе креста около солнца или луны, объясняемое преломленіемъ свѣтоносныхъ лучей. Этъ крестъ бываетъ, какъ мы сейчасъ сказали, всегда около луны или солнца. Вотъ почему онъ почитается за символъ добрыхъ и свѣтлыхъ божествъ, какими признаются всегда солнце и луна ****). Наше мнѣніе легко под-

*) Всемирная Исторія Г. Вебера. Пер. Игнатовича и Зуева. Спб. 1860 г., стр. 175.

***) *Lud Ukrainski. Nowosielskego. 1857 г. кн. 1 56 стр. и др.*

****) Записано въ Архангельской губерніи.

*) Моя рукописная статья: краткій историческій очеркъ восточно-славянской мнѳологіи.

твердить и филологией. Слово *крестъ* происходитъ отъ общеславянскаго слова *крестъ*, которое означаетъ огонь, свѣтъ. Следовательно, крестъ можно перевести такъ: огневикъ, свѣтовикъ. Всѣ небесныя явленія: кометы, болиды и т. д. и между ними крестъ, понимались язычниками какъ отложенія небеснаго огня (отложенія суть небесна огня) *).

Поясъ считался священнымъ предметомъ и талисманомъ противъ нечистой силы у многихъ народовъ. Въ примѣръ приведемъ Персовъ и Японцевъ. Персы совершали обрядъ опоясыванія надъ пятнадцатилѣтними мальчиками. при церемоніяхъ всякаго рода и очищеніяхъ. Поясъ былъ одинаковъ для всѣхъ сословій; онъ не снимался ни днемъ, ни ночью и почитался вѣрнѣйшею защитою противъ власти *Дэвоовъ* (дьяволовъ **). Японцы надѣваютъ поясъ на мальчика на третій годъ его жизни съ религіозными обрядами и при этомъ учатъ ребенка первымъ молитвамъ ***) Какъ Персы, такъ и Индусы принимались въ племенное религіозное общество посредствомъ пояса.

Головня у многихъ народовъ имѣетъ такую же силу, какъ и поясъ. Малороссіяне, какъ и Великороссіяне, прогоняютъ ея лѣшихъ. Въ Германіи носили по полямъ головни и факелы на канунъ Ивана Предтечи, (24 Іюня) для отогнанія драконовъ. Древніе Скандинавы въ этотъ день прыгали черезъ огонь и, по окончаніи обряда, брали оставшіяся головни домой, для предохраненія своихъ домовъ отъ нечистыхъ духовъ, отъ болѣзней и отъ другихъ несчастій. Тоже самое дѣлали Англичане и другіе народы ****). Огонь прогоняетъ мракъ и тьму. Вотъ почему зажженные головни прогоняли нечистыхъ духовъ, которые суть ни что иное какъ персонификація темноты и мрака.

Въ одномъ разсказѣ мы сообщили, что пастухъ завѣщалъ своему пріемнику палку, съ которой онъ долженъ былъ пасти коровъ. Пастушеская палка у язычниковъ имѣетъ священное значеніе. У Грековъ она служила талисманомъ противъ злыхъ духовъ. У Египтянъ прототипомъ закривленной пастушеской

*) Моя рукописная статья: краткій историческій очеркъ восточно-славянской мифологіи.

***) Всемирная исторія. Г. Вебера. стр. 468.

****) Японія и Япошцы. Е. Корша. Соврем. 1852 г. № 9 стр. 21.

*****) Лѣтніе потѣшныя огни. Совр. 1861 г. № 6, 148 и 152.

палки считалась стопа Озирвеа *). Литовцы выгоняли въ первый разъ скотъ на поле священной палкою, на рукояткѣ которой было изображеніе Гонгилса, бога стадъ и покровителя ихъ отъ волковъ. При выгонѣ, они повторяли слова: Гонило береги **)! У Сорабовъ по деревнямъ обносили отъ одной избы къ другой палку, на которой сдѣлана была рука, держащая железное кольцо; тотъ кто обносилъ ее, вмѣстѣ съ пастухомъ села, входя въ избу, приговаривалъ: береги Генвилъ, береги ***)! Жоржъ Зандъ сообщаетъ французскій разсказъ о чудесной палкѣ пастуха, которая караулила его свивей въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей отъ волковъ и людей ****).

Послѣ официального паденія язычества на Русь, древнія вѣрованія продолжаютъ жить между народомъ, нѣсколько измѣняя свой прежній характеръ. Въ теченіи христіанской эпохи къ древнимъ языческимъ понятіямъ присоединяются и христіанскія вѣрованія. Добрыя языческія божества, то получаютъ характеръ злыхъ духовъ, то мѣняются своими свойствами и занятіями: свойства одного божества приписываются другому и т. д.; нѣкоторыя черты божествъ во все стираются. Для того, чтобы съ точностью возстановить первоначальный характеръ какого нибудь языческаго божества Славянъ, не обходимо сравнить его съ соотвѣтствующими божествами другихъ народовъ. Для такого изслѣдованія надъ Лѣшимъ, мы не имѣемъ необходимыхъ источниковъ; а потому ограничимся только тѣмъ, что укажемъ къ какимъ языческимъ божествамъ соприкасается Лѣшій по своему характеру и чертамъ.

Возьмемъ одну изъ особенностей Лѣшихъ—воровать дѣтей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣверной и Южной Россіи народъ тоже самое свойство приписываетъ чертямъ, и бабамъ-мамъ. Уворовавши младенца, чортъ вмѣсто него кладетъ или свое дитя, или снопъ соломы, или полѣно, которые превращаются потомъ въ уродливыхъ дѣтей. Дѣти, обмѣненные чертями, называются *Обмѣніоньми* ****), или *Обмѣнышами* (въ Архан. губ.), *слѣ-*

*) Lud Ukrainski. Ч 1-я стр. 307.

***) Славянская мѣология Костомарова. Кіевъ. 1846 г.

****) Polska wiekou srednich. j. Lelewela. 1855 г. Т. 1-й.

*****) Почныя видѣнія въ деревняхъ. Совр. 1852 г. № 1 стр. 81.

*****) Обмѣнами называются въ Архангельской губерніи дѣти и даже довольно взрослые съ какити либо физическими или нравственными недостатками. Это замѣчаніе сдѣлано Членомъ Комитета Г. Михайловымъ. Пр. Ред.

дунами (Пермс губ.) и *Кикижорами* (въ друг. губ.), у Малорос-
сянъ *Обмьюю*, или *Водлюю*. Обмьныши имѣютъ большую
голову, длиныя руки и ноги; они не могутъ ни ходить, ни го-
ворить. Ясно, что этимъ повѣрьемъ народъ объясняетъ причи-
ну болѣзни, известной подъ названіемъ *англиской*. По другимъ
повѣрьямъ дѣтей обмьниваетъ Баба-яга. У Литовцевъ воруетъ
младенцевъ Лаума, богиня счастья и разрѣшительница родовъ *).
Повѣрье объ обмѣнѣ дѣтей злыми духами сильно распростране-
но между *кельтскими* (въ Бретаніи, Ирландіи и на островѣ
Манъ) и *германскими* племенами **). У Западныхъ Славянъ обмѣ-
ниваютъ дѣтей *дикія женщины*. (Дивожены) ***); у Скандинавовъ
Вельвы (*вѣщія жены*, предсказывавшія судьбу новорожденныхъ)
у Нѣмцевъ *Фрау Берте* и *Фрау Гольде*.

Лѣшачиха, по нѣкоторымъ главнымъ своимъ чертамъ, весьма
сходна съ *Бабой-Ягой*: та и другая живетъ въ лѣсу, въ лѣсной
избушкѣ; обѣ имѣютъ чрезвычайно длиныя груди и обѣ во-
руютъ дѣтей. Изъ этого можно заключать о тождествѣ въ язы-
ческую эпоху *Лѣшачихи* съ *Бабой-Ягой*, божествомъ полудоб-
рымъ, полужлымъ. Самъ *Лѣшій* соприкасается то со злымъ бо-
жествомъ, то съ добрымъ. *Лѣшій* носится въ видѣ вихря: это
свойство злаго божества *Чернобога*; онъ покровительствуетъ—
пастухамъ и стадамъ; пасетъ послѣднихъ и оберегаетъ ихъ отъ
волковъ: это обязанность *Волоса* «скотья бога».

Изъ сказаннаго видно, какъ трудно возстановить первоначальный характеръ *Лѣшаго*, какимъ онъ былъ въ эпоху языче-
ства. Впрочемъ можетъ быть и во время язычества характеръ
Лѣшаго не былъ ясно опредѣленъ и дѣятельность его не была
рѣзко разграничена отъ дѣятельности другихъ боговъ. Объ
этомъ можно судить по аналогіи. У Римлянъ, на примѣръ, богъ
лѣсовъ, *Сильванъ* (отъ *silva*—лѣсъ) почитался также покровите-
лемъ пастуховъ и стадъ. Рядомъ съ нимъ существовали боже-
ства *Панъ*, *Палесса* и *Аполлоуъ*, которые также покровитель-
ствовали стадамъ. Всѣ эти четыре божества имѣли характеръ
добрый и кроткій ****). Финскій богъ лѣсовъ *Tanjo* имѣетъ такой

*) Литовское племя. Костомарова. Русск. Слово. 1860 г. № 5.

***) Lud Ukrainski. Ч 1-я стр. 49.

****) Erheiterungen. Лейпцигскій журналъ. 1861 г. № 22. Die Gebirgs-
bewohner in Galizien.

*****) Les mythologies de tous les peuples. Par Bernard. Paris. 1860 г.
стр. 81, 83 и 101.

же характеръ, почему и называется «добрый Таню». Можетъ быть и русскій Лѣшій въ эпоху язычества былъ характера кроткаго и уже подъ вліяніемъ христіанства сдѣлался злобнымъ духомъ; по крайней мѣрѣ малороссійскій Лисунъ не имѣетъ въ себѣ ничего злаго.

Изъ обрядовъ въ честь Лѣшаго, мы можемъ указать только на два. Если Лѣшій возьметъ къ себѣ ребенка или лошадь, тогда бросаютъ ему въ лѣсъ подарокъ, — нѣсколько зеренъ, кусокъ шелку, серебро и все это завернутое въ тряпку. Надо бросать подарокъ себѣ за спину, чтобы не увидѣть Лѣшаго, который придетъ за нимъ съ бурей и облакомъ *). Очевидно этотъ обрядъ есть остатокъ языческаго жертвоприношенія. Такое же значеніе имѣетъ и отдаванія яйца и *одно-шерстной* скотины Лѣшему.

Лѣшій гналъ всѣхъ лѣсныхъ звѣрей и птицъ на войну. Передъ битвой они подымали страшный крикъ, прося себѣ добычи у своего пастыря. Этотъ крикъ служилъ для нашихъ предковъ предзнаменованіемъ кровавой битвы и пораженія. Такими вѣрованіями проникнуты всѣ наши древнія описанія битвъ; на примѣръ въ словѣ о Молку Игоревѣ, въ повѣствованіи о Мамаевомъ побойщѣ и проч.

Вотъ описаніе выступленія Князя Игоря въ несчастный для него походъ противъ Половцевъ. «Солнце ему тьмою путь заступаше; ношь, стонуши, ему грозою птицъ убуди; — свистъ звѣринъ въ стазбѣ; дивъ кличетъ врѣху древа». Игорь къ Дону войдетъ: «уже бо ольды его насетъ птицъ; подобю влци въ срожатъ по ярусамъ орли клетомъ на кости звѣри зовутъ, лисци брешутъ на чрѣленя щиты» и проч. Еще яснѣе вѣрованія эти высказываются въ описаніи Куликовской битвы. Дмитрій Вольнецъ говоритъ Великому Князю: «повѣмъ, тебѣ княже, примту свою искусную; уже бо долго ноши вечерняя зоря потухла» Князь же великій поимъ съ собою брата Володимера и Литовскіе князи едины, и выѣхаша на поле Куликово. И ставъ посреди обонхъ полковъ, и обратися на полкъ Татарскій... И бысть назади ихъ грозно волци воюще. По десной же по странѣ вороны кличуть; и бысть гласъ великъ птицъ. Вранове же шра-

*) Библ. для член. 1863 г. № 1. Разсказъ Челыщева. Жигари.

ютъ по рецѣ той по Непрядвѣ; гуси и лебеди непрестанно крыль плещуще, не обычную грозу подають. И рече Волянецъ: слышасте ли сіи? Обратитесь на полкъ Русскій. И бысть ти-хость велика, токмо огневѣ мнози и заря, снимахуся».

Изъ того обстоятельства, что волки были и птицы кричали состороны стана Монгольскаго, Дмитрій Волянецъ вывелъ заключеніе, что битва будетъ кровавая, но что побѣда останется на сторонѣ Русскихъ.

П. Ефименко.

II. ДОМОВОЙ.

О *Домовомъ* написано множество статей; по этому мы не станемъ распространяться о немъ, а скажемъ вкратцѣ объ отличительныхъ чертахъ *Домоваго* и потомъ постараемся объяснить происхожденіе понятія о немъ.

Домоваго представляютъ въ видѣ лысаго старичка не большаго роста, въ красной рубашкѣ. Въ Пермской губерніи думаютъ, что *Домовой* ходитъ въ образѣ хозяина дома. Живетъ онъ въ какомъ нибудь уютномъ мѣстѣ дома: въ голбцѣ, или въ подпольѣ, или за печкой. Нѣтъ дома безъ *Домоваго*. Онъ оберегаетъ хозяевъ отъ несчастій и бдительно наблюдаетъ за хозяйствомъ *).

Домой даетъ знать о какомъ нибудь счастливомъ или несчастномъ приключеніи тѣмъ, что давитъ кого нибудь изъ семейства во время ночнаго сна. Если кто желаетъ знать къ чему онъ давитъ, тотъ долженъ спросить его: къ добру ли, или къ худу. Онъ всегда даетъ положительный или отрицательный отвѣтъ. *Домовой* смотритъ за хозяйскимъ скотомъ, но только за такимъ, который имѣетъ любимый имъ цвѣтъ шерсти. О такомъ животномъ говорятъ, что оно *пришло по двору*. У такого животнаго всегда здоровый видъ, шерсть всегда приглажена, стойло въ порядкѣ и чистотѣ. Скотина *не по двору* скоро чахнетъ и умираетъ.

Для того, чтобы войти въ сношенія съ *Домовымъ* надобно ему, какъ и *Лѣшему*, подарить первое яйцо, полученное отъ попа въ первый день Пасхи. Передача яйца происходитъ передъ отворенною дверью хлѣва. *Домовой* явится въ образѣ того человѣка, который вызываетъ его. Здѣсь заключается договоръ: *домовой* обязуется во всемъ помогать крестьянину, а этотъ послѣдній обязанъ держать въ секретѣ ихъ свиданіе и

*) *Домовой* будитъ ночью хозяина дома, въ случаѣ пожара въ домѣ. Это замѣчаніе сдѣлано Г. Михайловымъ. Прим. Ред.

знакомство. Если же крестьянинъ не сдержитъ слова и проболтается, тогда все его хозяйство разстроится, и онъ съ отчаянія самъ наложитъ на себя руку ¹).

Выстроивши и освятивши домъ, переселяются въ него слѣдующимъ образомъ: ктонибудь изъ домашнихъ вноситъ въ домъ какое либо животное: кошку, собаку, чаще всего пѣтуха или курицу. Принесши въ домъ, спускаютъ его на полъ и, обращаясь къ домовому, произносятъ слова: *вотъ тебѣ хозяинъ мохнатый зверь на богатый дворъ!* За тѣмъ ктонибудь идетъ съ хлѣбомъ и солью, а позади несутъ растворенную квашню и муку.

Теперь слѣдуетъ указать, какъ родилось и развилось понятіе о Домовомъ.

Въ отдаленныя времена язычества однимъ изъ благотворныхъ божествъ считался, между прочемъ, огонь. Когда Славяне перешли отъ кочевой жизни къ осѣдой и обзавелись постоянными жилищами, тогда обожаніе отъ огня вообще перешло преимущественно на огонь домашній, а потомъ и на самый очагъ. Оба послѣднія понятія дѣйствительно слились въ одно представленіе семейнаго пената, охраняющаго обиліе дома, спокойствіе и счастье семьи. Русская загадка: *мать толста, дочь красна, сынъ храберъ, подъ небеса ушолъ*, означающая печь, огонь и дымъ—всѣ эти понятія представляетъ въ семейной связи.

Очагъ, какъ элементъ жизни, былъ самымъ священнымъ символомъ у всѣхъ почти народовъ Индо-Европейскаго племени. У Римлянъ ставили его посреди избы; вѣчный огонь горѣлъ на немъ. Очагъ былъ алтаремъ, котораго никто не смѣлъ осквернить; около него сосредоточивалась семейная религія, жрецомъ который былъ хозяинъ дома; отъ туда не могли взять его даже служители закона; здѣсь преслѣдуемые просили у хозяина милости и защиты; здѣсь онъ обязывался сдержать свое обѣщаніе. Пища, приготовленная на очагѣ и возлѣ него съѣденная, была символомъ любви и согласія, религіознымъ актомъ. Государственная религія имѣла свой очагъ въ святилѣ Весты. Такое уваженіе распространилось далеко на сѣверъ; у Шведовъ

¹) Подробности объ этомъ можно найти въ Отечест. Зап. 1848 г. № 4 стр. 132 и въ Карманной Книжкѣ для любителей землевѣдѣнія, изданной въ 1848 г. Рус. Геогр. Общ. стр. 312.

народъ становился на колѣни передъ Ugnhol (отъ ogn—печь); въ нѣмецкихъ повѣстяхъ часто встрѣчается обычай поклоненія печи, обоготворенія ея. Преслѣдуемые жалуются печи, исповѣдываются передъ ней въ своихъ тайнахъ, которыхъ никому другому не могутъ объявить. Одинъ путешественникъ, ограбленный на дорогѣ, обѣщавшійся грабителямъ никому объ этомъ не объявлять, рассказалъ о своемъ несчастіи печи ²). Славяне также обожали очагъ. У Сербовъ есть поговорка: *кто не видалъ церкви, тотъ и печи молится*. Малороссіяне называютъ очагъ матерью: *пичъ маты*. Очагъ въ глазахъ язычника освятилъ всю избу. Большой или меньшій почетъ къ различнымъ частямъ и принадлежностямъ избы зависѣлъ отъ большей или меньшей ихъ связи съ этимъ пенатомъ. Отъ очага религиозный характеръ перешелъ на все жилище, въ стѣнахъ котораго возжигался обожествленный огонь. Обожаніе домашняго огня еще болѣе усилилось, когда подъ видомъ его стали представлять души предковъ ³).

При дальнѣйшемъ развитіи язычества, когда началось олицетвореніе стихій и священныхъ предметовъ, очагъ явился въ образѣ *лысаго дѣдушки домового*. Самыя эти названія и имена; *дѣдоко*, *хозяинушко* показываютъ, что Домовой есть пенатъ, охранитель дома, какимъ первоначально почитался очагъ.

На Домоваго были перенесены всѣ благотворныя понятія, соединяемыя съ очагомъ, и всѣ качества, заботливаго хозяина какимъ былъ глава семьи. Вотъ почему Домовой оберегаетъ хозяевъ отъ несчастій, бдительно смотритъ за домашнимъ порядкомъ, за хозяйствомъ и за скотомъ; предъувѣдомляетъ о будущемъ несчастіи и бѣдѣ.

У Римлянъ души предковъ обоготворялись подъ именемъ *Мановъ* (*manes—тѣни*). Онѣ одного происхожденія съ нашимъ Домовымъ.

Въ Шотландіи Домовой называется *Бровнею*; онъ живетъ у каминна; онъ бережетъ хлѣвы и погреба, подметаетъ избы, вы-

²) Lud Ukrainski. 1857 г. Т. 1 стр. 166—168.

³) Религиозно-языческое значеніе избы Славянина, Афонасьева. Отеч. Зли. 1851 г. Іюнь.

нимаютъ мухъ изъ сметаны, отгоняютъ оводовъ отъ ягнятъ и расплетаетъ руна у овецъ. Словомъ, Бровня такой же хозяинъ въ домѣ, какъ и Домой⁴⁾.

У Шведовъ домой извѣстенъ подъ именемъ *Marå*, у Нѣмцевъ *Hausmann*, *Poltergeist*, *Kobold*, у Англичанъ *Hobgoblin*, у Французовъ *le lutin*, *furfadet*, у Литовцевъ *Siemi dewas*, *Koboli*, у Финновъ *rajnajainen*, т. е. гнетущій, давящій; онъ ходитъ въ видѣ бѣлой кошки или бѣлой женщины, освѣщающій собою всю комнату; онъ наваливается на спящаго и давитъ грудь его такъ, что тотъ не можетъ поворотиться⁵⁾.

Въ Болгаріи существуетъ повѣрье, что ни одно большое строеніе не можетъ держаться безъ *Таласама*. Таласамомъ (домовой) тамъ называется призракъ умершаго человѣка, съ роста или тѣни котораго снята мѣрка архитекторомъ, при закладкѣ строенія. Мѣрку снимаютъ обыкновенно съ когонибудь изъ проходящихъ, разумѣется такъ, чтобы тотъ не замѣтилъ. Снявши мѣрку, закладываютъ ее въ фундаментъ дома. Измѣренный человѣкъ умираетъ черезъ 40 дней и является въ разныхъ видахъ съ 8-ми часовъ по полудни до 3-хъ по полуночи. Если нельзя измѣрить человѣка, то мѣряютъ животное, которое потомъ убиваютъ⁶⁾.

Въ Малороссіи думаютъ, что плотники всегда закладываютъ домъ на чьюнибудь голову, т. е. что ктонибудь изъ семейства, переселяющагося въ новый домъ, долженъ въ немъ умереть. Во внутреннихъ губерніяхъ Великой Россіи отрубиваютъ голову у пѣтуха и зарываютъ ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ опредѣляется быть переднему углу. Этотъ обычай и обыкновеніе приносятъ въ избу кошку, пѣтуха и проч., явно свидѣтельствуя о жертвоприношеніи Домовому. Въ Архангельской губерніи говорятъ, что если не принести животнаго въ даръ Домовому, то тотъ, кто первый вступитъ въ новоотстроенный домъ непременно умретъ.

Мы полагаемъ, что болгарскій и русскій обычай закладывать домъ на чьюнибудь голову свидѣтельствуя о древнемъ обыкно-

⁴⁾ *Luci Ukraiski*. Т. 1 стр. 75.

⁵⁾ Русскіе простонар. праздники. Выпускъ 1 стр. 91 и др.

⁶⁾ Болгарскія повѣрья. Ж. М. Н. П. 1846 г. кн. 12 стр. 204.

веніи приносятъ въ жертву живыхъ людей при постройкѣ перваго дома новаго селенія для того, чтобы на ихъ голову отвести всѣ несчастья, угрожающія будущему населенію деревни. Объ этомъ до сихъ поръ существуетъ преданіе у народа ⁷⁾ ^{*}).

П. Ефименко.

⁷⁾ *Еуд Укр. Т. 1 стр. 157.*

^{*}) Въ Архангельской губерніи если и было когда жертвоприношеніе, то объ этомъ народъ забылъ. Въ новый домъ обыкновенно вносятъ пѣтуха въ видахъ гаданія. Если пѣтухъ пойдетъ въ большой уголь и будетъ свободно расхаживать по избѣ—это добрый. Если же устремится назадъ—это худо—кто нибудь скоро умретъ и жизнь будетъ несчастна. Замѣчаніе это принадлежитъ Члену Комитета Г. Михайлову. Пр. Ред.

III. БАБА—ЯГА.

Между всѣми мифическими существами нашего народа, Баба-яга менѣе всего обращала на себя вниманіе мифологовъ. Кажется нѣтъ ни одной ученой статьи исключительно посвященной ей. Это заставляетъ насъ составить о ней возможно полное изслѣдованіе.

Память о «*Бабь-ягъ—костяной-ногъ*» живѣе всего сохранилась въ сказкахъ. По словамъ ихъ, она живетъ въ лѣсу, въ лѣсныхъ избушкахъ, построенныхъ «*на куриной ножкѣ—на пѣтушьей головкѣ*» и постоянно поворачивающихся, по приказанію хозяйки или какого нибудь богатыря. Заборъ вокругъ ея избушки сдѣланъ изъ человѣческихъ костей; на заборѣ торчатъ людскіе черепа сосвѣтящимся глазами; вмѣсто вѣрей у воротъ служатъ ноги человѣчьи, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка—ротъ съ острыми зубами. Баба-яга выѣзжаетъ изъ своего жилища на свѣтъ божій (*въ Русь*, какъ говорятъ сказки) въ желѣзной ступѣ и съ желѣзнымъ же пестомъ въ рукѣ, а иногда съ метлой, которою она замечаетъ свои слѣды *). Когда она ѣдетъ, слышится страшный шумъ въ лѣсу: деревья трещатъ, сухіе листья хрустятъ и т. п. Бабу-ягу, какъ самое имя ея показываетъ, представляютъ въ видѣ старой безобразной женщины; груди у нея столь велики, что она принуждена «*сосить*» (кормить грудью) *робятъ черезъ грядку* (шесть въ избѣ). Одно изъ занятій ея—воровство дѣтей и взрослыхъ, которыхъ она пожираетъ. Впрочемъ, иногда ей придаются добрыя качества; такъ она кормитъ-поитъ какого нибудь богатыря, забревшаго къ ней въ избушку, и даетъ ему благой совѣтъ, какъ побѣдить своихъ враговъ и достигнуть цѣли странствованія.

Малороссіяне, въ своихъ сказкахъ, рисуютъ «Бабу-ягу костяну ногу» такими же мрачными красками, какъ и Великороссіяне. Она у нихъ иногда называется бабой-Афимьей (*баба-Хыма*); это имя очень хорошо извѣстно нечистой силѣ; оно на-

*) Въ числѣ атрибутовъ бабы-яги—помело. Зам. Г. Михайлова. Пр. Ред.

водитъ страхъ и ужасъ на все царство сатаны; чтобы отдѣлаться отъ нея, черти безусловно соглашаются исполнить всѣ ея приказанія. Малороссійскія пословицы вводятъ ея въ родство съ нечистой силой (баба да чортъ, то собі рідня), именно считаютъ ее матерью или бабушкой чертей (біда біду породыла, а біду-чертова маты). Она живетъ въ аду (баба зъ пекла родомъ; баба сімъ миль зъ за пекла); отъ туда она выходитъ въ свѣтъ для исполненія какихъ либо особенно важныхъ и трудныхъ порученій своего сына, сатаны (де дідько не зможе, туды бабу пошле); ею пугаютъ дѣтей; баба возьметъ въ мѣшокъ (баба візьме въ торбу).

У Бѣлоруссовъ «Баба-яга—каспяная нага» имѣетъ еще болѣе злобный характеръ, нежели у Малоруссовъ. У нихъ, она разъѣзжаетъ въ желѣзной ступѣ, везомой воздушными силами, и погоняетъ ихъ огненно-горящею метлою. Когда Баба-яга ѣдетъ—земля стонетъ, вѣтры свищутъ, звѣри воютъ, домашній скотъ прячется въ хлѣвы, самые черти, везущіе ступу, страшно ревутъ;—такъ что еще до ея появленія страшные признаки предвѣщаютъ ея приближеніе. Баба-яга приѣзжаетъ на землю, для того, чтобы заставить человѣческимъ мясомъ, которымъ она питается. Принявши на себя видъ старухи, она является въ домъ какогонибудь семьянина и, при помощи разныхъ уловокъ, похищаетъ у него дѣтей. Баба-яга принимаетъ души умершихъ людей отъ Паланды (богиня смерти), съ которою она находится въ большой дружбѣ и вмѣстѣ разъѣзжаетъ въ одной иготѣ; она питается душами усопшихъ людей ¹⁾).

Поляки говорятъ о Бабѣ-ягѣ: *gdzie diabet niezmoze, tam babe poszle* Баба-яга у нихъ называется *Strzyga*. *Стшыга* беспокоитъ беременныхъ женщинъ и дѣлаетъ имъ всякаго рода непріятности; напримѣръ, мѣняетъ младенцевъ: беретъ спокойныхъ, красивыхъ и полныхъ, а приноситъ крикливыхъ, худыхъ и блѣдныхъ; современемъ она возвращаетъ младенца, но тогда уже, когда онъ дѣлается совершенно подобнымъ подброшенному. Уворовавши дитя, *Стшыга* часто сѣчетъ его, на томъ мѣстѣ, гдѣ собирается соръ, передъ глазами его матери, чтобы та, блѣдная, знала объ этомъ и слышала крикъ своего дитяти. Женщины, видѣвшія *Стшыгу*, увѣряютъ, что она бѣгаетъ по вечерамъ изъ одного двора въ другой; она высока ростомъ, худа, блѣдна; глаза имѣетъ впалые ²⁾).

¹⁾ Бѣлорус. народ. преданіе. Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. кн. 1-я стр. 19.

²⁾ *Lud Polski, przez Golebiowskiego. стр. 155.*

Карпатскіе Гуралы знаютъ миѳическое существо, соответствующее польской Стшигѣ; это *Дзивожонь*, т. е. дикія женщины; видъ у нихъ дикій и нравъ злой; волосы у нихъ, какъ у Фурій, развѣваются свободно по воздуху, все тѣло ихъ покрыто густыми волосами, груди столь велики, что онѣ носятъ ихъ на плечахъ и употребляютъ вмѣсто пральниковъ. Гуралы очень боятся *Дзивожонь*, потому что онѣ занимаются кражею и обмѣномъ дѣтей; вмѣсто уворованныхъ младенцевъ, онѣ кладутъ собственныхъ безпокойныхъ, безобразныхъ и крикливыхъ уродовъ. Однако есть средство возвратить похищеннаго ребенка: стоитъ только матери взять обмѣныша, сѣчь его березовыми розгами и приговаривать: «возьми себѣ свое, принеси мнѣ мое.» Плачь и крикъ ребенка возбуждаетъ жалость въ *Дзивожонѣ* и заставляетъ ее размѣняться дѣтьми ³).

Гейне говоритъ, что, по народнымъ нѣмецкимъ преданіямъ, Бабушка чорта появляется иногда въ нашъ міръ, съ цѣлью исполнить различныя порученія своего сына, отсюда, по его мнѣнію, произошла поговорка: *Wo der Teufel selbst nichts ausrichten kann, da schickt er seine Grossmutter.* Постояннымъ мѣстопробываніемъ чортовой бабушки служитъ адъ; тамъ она занимается приготовленіемъ пищи для своего возлюбленнаго сына. Чертова бабушка Нѣмцевъ и наша Баба-яга тождественны ⁴).

Славянскую Бабу-ягу одни считаютъ богиней ада, другіе божествомъ войны, третьи—какимъ-то мелкимъ демоническимъ существомъ. Для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ сравнить ее съ языческими богинями другихъ народовъ и потомъ уже сдѣлать свое заключеніе.

Въ средневѣковой германской демонологіи были извѣстны миѳическія существа совершенно сходныя, по своему характеру, со славянской Бабой-ягой. Это такъ называемыя *Frau Berthe* и *Frau Holde*, которыя выкрадывали, обмѣнивали и устрашали дѣтей. Онѣ вошли въ область демонологіи изъ языческой германской миѳологіи; въ нихъ ученые видятъ божество земли, *Герту*.

Земля во всѣхъ миѳологіяхъ олицетворяется въ видѣ женщины. Китайцы обоготворяютъ ее подъ именемъ *Ге—у—ту*, т. е.

³) *Erheiterungen* 1861 г. № 22. *Die Gebirgsbewohner in Galizien. Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie, zebraf 1, Siemiński str. 120.*

⁴) *De l' Albmagne, par H. Heine. Paris . 1855. T. 2 p. 109.*

царицы земли и поручаютъ въ ея завѣдываніе гробы ⁵⁾ У Литовцевъ она называлась *Zemmes mati* (мать земля); и помѣщалась въ среднѣй земли ⁶⁾. Греки придавали ей такое же названіе (Ге-Метеръ). Впрочемъ, ее можно видѣть также въ другихъ греческихъ божествахъ: и въ Герѣ, матери боговъ, и въ Лато-нѣ, матери свѣта — Аполона, и на конецъ въ Артемидѣ. Въ особенности замѣчательна Артемида Эфесская, представлявшаяся, подобно лидійской Астартѣ, въ формѣ женщины со множествомъ сосцовъ и символизировавшая плодородіе земли ⁷⁾. У Римлянъ она обоготворялась подъ именами Титея (грязь, земля), Рея (земля) *Mater Tellus* (мать земля). Они часто смѣшивали ее съ Діаною, Церерою, Прозерпиною, Цибелою и Юноною. Ее почитали здѣсь то какъ доброе божество (*dea bona*), мать боговъ и людей, потому что она изъ земли производитъ всѣ вещи, то злою, такъ какъ она во время зимы скрываетъ въ себѣ сѣмена растений. Въ образѣ Юноны она признавалась помощницей при родахъ и представлялась въ такомъ случаѣ въ видѣ повивальной бабки съ младенцемъ на рукахъ. Въ индійской мифологіи ей соотвѣтствуетъ богиня *Бгавани*, или *Бгадра-кали* т. е. бѣлая и черная, добрая и злая, начало жизни и смерти. Бгавани была покровительницей родильницъ; дѣвушки у нея вымаливали мужей, а неплодныя женщины дѣтей ⁸⁾. Во всѣхъ почти мифологіяхъ земля считалась женой неба и матерью всего существующаго: боговъ, людей, животныхъ, растений и неорганическаго царства. На такую идею навело то обстоятельство, что весной изъ ея нѣдръ выходятъ растенія, животныя, предающіеся земней спячкѣ и насѣкомыя; она, по понятію язычниковъ, будто бы разрѣшалась отъ бремени въ эту пору года. Состояніе земли лѣтомъ и зимой выражено въ мифѣ о Прозерпинѣ, пребывающей по шести мѣсяцевъ на землѣ и по шести подъ землею, въ аду; по этому Прозерпина божество доброе и въ тоже время адское.

Исслѣдователи славянской мифологіи полагаютъ, что у Славянъ богиня земли носила множество названій: Жива, Лада, Золотая Баба, Красопани и Зизилія, или Дзидзилія. Мы думаемъ, что она называлась еще Нией, или Нивой. Нія, или Нива соотвѣтствовала и Церерѣ (по словамъ Гвагини), и Прозерпи-

^{5) 6)} *Lud Ukrain.* Т. 1 стр. 46—48.

⁷⁾ *Полицизмъ древнихъ Грековъ.* Ю. База. 1855. стр. 85.

⁸⁾ *Lud Ukr.* Т. 1 стр. 47.

нѣ (по свидѣтельству Стшаньскаго) и наконецъ Плутому (по Длугошу ⁹). Замѣчательно, что богиня земли какъ у славянъ, такъ и у Индусовъ, Римлянъ и другихъ народовъ изображалась въ видѣ женщины, держащей на рукахъ младенца. Въ этомъ младенцѣ мѣологи видятъ воплощеніе божества свѣта и добра ¹⁰).

Малороссіане до сихъ поръ олицетворяютъ землю въ образѣ женщины, называемой Татьяной (*Тытяна*) или просто *Матерью земли* и придаютъ ей эпитетъ великой: *лежыть маты да ѣ велькая*. Такой эпитетъ земли извѣстенъ былъ и Индусамъ: великая мать (*mahī matar*) и великая Бгавани (*mahī Bhavani*) ¹¹).

Въ нашей Ягѣ-бабѣ нельзя не замѣтить чертъ приписываемыхъ богинѣ земли разными народами. Съ одной стороны она существо злое, демоническое, кровожадное, съ другой—доброе, божественное. Она живетъ въ аду, подобно китайской Ге—у—ту и индѣйской Кали, и питается душами умершихъ, какъ Кали питается человѣческой кровью. Во власть Бабы-яги переходятъ души умершихъ; въ Китаѣ богиня земли завѣдываетъ гробами успшихъ. Баба-яга воруетъ и обмѣниваетъ дѣтей; это же самое свойство приписывается Нѣмцами Frau Berthe и Frau Golde. Ее представляютъ съ большими грудями, что сходно съ представленіемъ Грековъ Артемиды Эфесской и лидѣйской Астарты со множествомъ сосцовъ. Названіе Баба-яга по нашему мнѣнію, имѣетъ одно происхожденіе съ Бгавани Индусовъ. Съ теченіемъ времени, когда Баба-яга перешла изъ мѣологии въ народную демонологию, были придуманы новыя существа, на которыя перенесены свойства Бабы-яги; таковы, на примѣръ: Лѣшачихи, Ночницы, Полудницы и др. Собственно говоря, это только новыя названія той же Бабы-яги.

Богинямъ земли, какъ мы сказали, различные народы придавали свойства и добрыхъ и злыхъ существъ. Это потому что земля съ одной стороны принимаетъ въ свои нѣдра тѣла умершихъ и какъ бы питается ими, съ другой она произраждаетъ хлѣбъ, травы, деревья и т. д., а потому почитается матерью—

⁹) *Czesc balwochwalcza Slawian i Polski, przez j. Lelewela. 1857 str. 20.*

¹⁰) *Славян. мѣология. Н. Костомарова. 1847 стр. 30—33.*

¹¹) *Eisai de mythologie comparee, traduit de l'anglais de Max Müller. 1859 p. 54. Les mythologies de tous les peuples l. Bernard. 1860 p. 196.*

кормильцей людей. Свойство воровать дѣтей изъ утробы матерей и обмѣнивать ихъ приписало было богинямъ земли отъ того, что они помогали женщинамъ при родахъ. Когда являлись уродливыя дѣти, тогда, чтобы объяснить причину ихъ уродливости, начали вѣрить, что ихъ обмѣниваетъ богиня земли, присутствующая при родахъ **).

П. Ефименко.

**). Вѣроятно же всего обмѣнъ дѣтей придуманъ самими матерями отъ стыда за уродливыхъ дѣтей. Оттуда происходятъ и богини воровки. Это замѣчаніе сдѣлано Членомъ Комитета Махайловымъ. Примѣч. Редак.

IV. ВОДЯНОЙ.

Водяной представляется въ образѣ мушны. Когда онъ ходитъ къ крестьянамъ въ гости, то его ни чѣмъ не отличишь отъ обыкновеннаго человѣка; только по уходѣ его можно узнать присутствовалъ ли онъ въ домѣ или нѣтъ, потому что на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, всегда оказывается вода. Жена *Водовика* имѣетъ очень длинныя волосы, которыя часто чешетъ большимъ гребнемъ, сидя на плотинѣ или на камнѣ. Выходъ ея изъ воды предвѣщаетъ утопленника. Объ утонувшемъ говорятъ, что его ухватилъ *Водяной*. *Водяной* и *Водяница* живутъ въ рѣкахъ. Они имѣютъ отца и мать, которые называются *Царемъ Морскимъ*, или *Царемъ Водяникомъ* и *Морскою Царицею* или *Царицею Водяницею*. *Царь Морской* и его жена обитаютъ на днѣ моря или на морскихъ островахъ, въ щеляхъ. Изъ быльни о *Садкѣ* видно, что въ случаѣ бури, для умелостивленія бога водъ, бросали въ волны людей, по жребію. Ему приносили въ жертву также хлѣбъ съ солью, опускаая въ воду. *Садко* говоритъ:

«Не платилъ я Царю Морскому дани-пошлины,
Не опускавалъ въ сине море хвальнское хлѣба соли!»

Морскія бури приписываются гнѣву или танцамъ божества:

«Расплясался Царь Морской:
А сине море всколебалоса,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя....»

Въ Малороссіи богъ водъ называется *Царь-Сынько-Водяный*. Онъ живетъ въ хрустальномъ дворцѣ подъ водой или въ пещерахъ, между скаль. Онъ, какъ и русскій *Водяникъ*, имѣетъ семейство: жену и дѣтей. *Сынько-Водяный* также хватаетъ людей и топить ихъ. Впрочемъ, онъ, если хочетъ, дѣлаетъ и добро людямъ, на примѣръ, нагоняетъ рыбу въ невода и пр. *Морскія* бури зависятъ отъ него же *). *Морской Царь* имѣетъ трид-

*) Основа. 1861 № 1. *Стежинъ-рогъ*, *Стороженка*, стр. 101—115.

цать лошадей. Это напоминает коней Посейдона, римскаго бога водъ. Малороссійская дума о Поповичѣ Алексѣѣ свидѣтельствуеъ, что въ древности и на югѣ Россіи приносили чело-вѣческія жертвы Водовику.

Вотъ все, что мы можемъ сказать о демонологіи жителей Архангельской губерніи. О злыхъ духахъ: *банномъ*, *зумешномъ* и пр., нечего говорить, такъ какъ они состоявляютъ позднѣйшее явленіе въ исторіи народныхъ вѣрованій и такъ какъ въ нихъ нельзя открыть ни какихъ чертъ языческихъ божествъ нашихъ предковъ Славянъ.

П. Ефименко.

ИКОТА И ИКОТНИЦЫ.

Икота—очень интересная и совершенно неизслѣдованная болѣзнь здѣшняго края. Она распространена главнымъ образомъ въ Мезенскомъ и Пинежскомъ уѣздахъ, въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ—въ меньшей степени, а въ Онежскомъ и Кемскомъ—ея во все нѣтъ. Жители внутреннихъ Великороссійскихъ губерній называютъ эту болѣзнь *кликшествомъ*; Малороссіяне во все не знаютъ ее.

Признаки икоты слѣдующіе: сначала больной чувствуетъ сильную головную боль, теряетъ аппетитъ и получаетъ разстройство всѣхъ жизненныхъ отправления; въ слѣдствіе этого появляется столь сильная слабость, что страждущій по нѣскольکو недѣль не встаетъ съ постели. За тѣмъ, *икота*, какъ говорятъ крестьяне, *опускается съ головы къ сердцу*, т. е. обнаруживается боль сердца и спазматическое сокращеніе грудобрюшной преграды: больной издаетъ громкіе крики, смѣется или плачетъ; иногда бываетъ общее параличное состояніе и обморокъ, сопровождаемый всеобщою слабостью и острую болью въ груди и головѣ. Такіе припадки совершаются различно: отъ 1½ и до 7 часовъ. Поводы къ припадкамъ многочисленны: всякій неосторожный поступокъ или слово, производящіе испугъ, страхъ, досаду или гнѣвъ раздражаютъ больныхъ и возбуждаютъ болѣзнь. Есть множество предметовъ, нисколько въ сущности не отвратительныхъ, но не любимыхъ икотницами, и также производящихъ въ нихъ раздраженіе: на примѣръ табакъ, дымъ отъ ладану и пр.

Икота имѣетъ нѣсколько видоизмѣненій. При самомъ сильномъ ея развитіи, страждущіе лишаются способности говорить (*нѣмая икота*), только издаютъ глухіе отрывистые звуки; припадки у нихъ бываютъ чаще и съ большими мученіями. При икотѣ менѣе сильной, больные говорятъ, (*говоруха*) но не отвѣчаютъ на вопросы, предлагаемые посторонними лицами; припадки случаются рѣже и гораздо слабѣе. Бываетъ еще третій видъ икоты, близко подходящей къ экстазу: больныхъ въ этомъ состояніи употребляютъ для предсказаній и открытій, въ случаѣ

какого нибудь несчастія, воровства, убійства и пр. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: желающій получить предсказаніе приглашаетъ къ себѣ икотницу и старается задобрить ее такимъ угощеніемъ, которое она особенно любитъ; послѣ этого начинаетъ ее упрашивать отгадать спрашиваемое. «Тутъ для несчастной начинаются муки: глаза ея расширяются, зрачки дико блуждаютъ отъ предмета къ предмету; руки и ноги судорожно вытягиваются, въ безчувственномъ состояніи больная рветъ на себѣ волосы, раздираетъ свою одежду и падаетъ на полъ; сквозь болѣзненные стоны, вынужденные у нея, физическою болью, слышится пронзительный голосъ икотницы-прорицательницы; грудь и въ особенности животъ бѣдной женщины высоко и неестественно вздымаются; несчастную, послѣ такого ужаснаго опыта, отводятъ домой: ибо дойти сама она не въ состояніи. Часто икотница, прежде нежели отвѣтитъ на предлагаемый ей вопросъ, дѣлаетъ поразительныя по вѣрности замѣтки о характерѣ и нравственныхъ качествахъ предстоящихъ лицъ, во все ей неизвѣстныхъ.»

Если предлагаемыя описанія вѣрны ¹⁾, то въ нихъ нельзя не замѣтить истерики.

Истерика состоитъ въ раздражительности чувственныхъ нервовъ, передаваемой, по извѣстному закону, нервамъ движенія. Она обнаруживается въ разнообразныхъ явленіяхъ, изъ которыхъ главнѣйшія слѣдующія: корчи, удушье, судорожное сжатіе гортани, чувство подкатыванія шара подъ сердце (истерическій клубокъ), сильные обмороки, параличъ нѣкоторыхъ членовъ, колюще въ груди и брюхѣ, біеніе сердца, произвольные плачъ и смѣхъ; при болѣе сильномъ развитіи истерики бывають восторженныя и сомнамбулическія явленія. Причины истерики различны: пораженіе половыхъ органовъ, неправильное пищевареніе, глисты, изъязвленіе желудка и пр. и психическія вліянія, происходящія отъ гнета семейнаго и общественнаго. Всѣ эти причины производять слабость, или чувствительность нервовъ, а малѣйшее внутреннее или внѣшнее раздраженіе служитъ поводомъ къ обнаруженію нервныхъ страданій, или припадковъ ²⁾

¹⁾ Эти описанія составлены по слѣдующимъ источникамъ: Годъ на Сѣверѣ; Максимова, т. 2 стр. 309. Извлеченіе изъ замѣтокъ о повѣрьяхъ и суевѣрьяхъ жителей Архангельской губерніи (Карманная Книжка, изд. Геогр. Общ. на 1848 г.) и дѣло о кликушахъ 1785 г. (см. ниже).

²⁾ Другъ Здравія. 1862 г. № 39. Объ истерикѣ въ гигиеническомъ отношеніи.

Что касается собственно происхожденія икоты, то врачи обыкновенно приписываютъ ее или дурной крестьянской пищѣ, состоящей, главнымъ образомъ, въ гнилой, зловонной рыбѣ, или болѣзнямъ половыхъ органовъ (бѣли, задержаніе менструацій и пр.), происходящимъ отъ здѣшняго переменчиваго климата, который производитъ всякаго рода катарральныя страданія, или, на конецъ, глистамъ, водящимся въ большомъ количествѣ въ здѣшнемъ краѣ.

Очевидно, что приведенныя условія общи всѣмъ частямъ Архангельской губерніи. Между тѣмъ въ Онежскомъ и Кемскомъ уѣздахъ икоты во все нѣтъ; слѣдовательно, эти условія не могутъ быть приняты за причину болѣзни. Такъ какъ нервныя болѣзни переходчивы (пляска св. Вита и пр.), то мы думаемъ, что здѣшніе крестьяне *заразились икотой* отъ своихъ сосѣдей Самоѣдовъ.

Извѣстно, что самоѣдскіе жрецы и жрицы (*тадибеи*), во время такъ называемаго *битья кудесъ* (самбадава) приходятъ въ совершенное изступленіе; при этомъ они кричатъ, бѣснуются, колотъ себя и наносятъ себѣ страшныя раны; въ такомъ состояніи они, по мнѣнію Самоѣдовъ, находятся въ сообщеніи съ верхъестественными силами²⁾.

Мнѣніе наше о происхожденіи икоты отъ Самоѣдовъ имѣетъ опору еще въ томъ, что крестьяне Мезенскаго уѣзда приписываютъ ее именно чародѣйству Самоѣдовъ. Такой взглядъ на Самоѣдовъ кажется очень древень. Еще Норманы смотрѣли на Печорскую страну, какъ на землю колдуновъ и ужасовъ. Новгородцы также считали ихъ за чародѣевъ; наружность Самоѣдовъ, одежда и въ особенности религіозные обряды ихъ естественно были причиной такого понятія о нихъ. Въ описаніи Герберштейна древнихъ волшебниковъ сѣвера нельзя не узнать Самоѣдовъ.

Впрочемъ, это одна только гипотеза; для того же, чтобы узнать подлинную причину болѣзни, необходимо произведеніе точныхъ и многочисленныхъ наблюденій специалистами; чего, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не сдѣлано. Нѣкоторые приписываютъ икоту дурной водѣ, получающей свои свойства отъ болотистой почвы³⁾. Если это предположеніе имѣетъ какое ли-

²⁾ Арх. Губ. Вѣд. 1849 г. № 10, Самоѣды Мезенскіе.

³⁾ Максимовъ (см. Годъ на Сѣверѣ, т. 2 стр. 311). говоритъ, что ему приходилось видѣть около Пинеги болота, изъ которыхъ выходилъ крѣпкій

бо основаніе, то необходимо химическое разложеніе воды и почвы. Кроме того, полезно было бы собрать подробныя статистическія свѣдѣнія о числѣ больныхъ по поламъ и возрастамъ и пр. и топографическія свѣдѣнія о мѣстностяхъ, въ которыхъ болѣе всего свирѣпствуетъ икота. Изъ всего этого можно бы было узнать—распространяется ли она по рѣкамъ и болотамъ, какъ это было замѣчено въ нѣкоторыхъ губерніяхъ надъ холерою, или нѣтъ ⁴⁾. Теперь посмотримъ, какъ народъ объясняетъ происхожденіе икоты.

По мнѣнію народа, икота есть злой духъ, поселившійся въ человѣкѣ и мучащій его по временамъ. Простолюдины почти всѣ болѣзни, въ особенности психическія, олицетворяютъ въ видѣ живыхъ существъ. Филологія доказываетъ, что болѣзни разсматриваются, какъ злые духи *Стрѣль*, или *пострѣль*—название чорта и *стрельё*, или *стрѣлы*—болѣзнь (Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ), *родимецъ* означаетъ чорта и болѣзнь, *игрецъ*—клинкушество и бѣсъ, *ворогуша*—лихорадка и *врагъ*—дьяволъ; такъ и икота означаетъ и болѣзнь и злаго духа, поселившагося въ человѣкѣ. Въ одномъ старинномъ актѣ объ этомъ сказано ясно: «то намъ вѣдомо, Яковъ Григорьевъ *скорбѣль* икотю и внѣ ума былъ весь всячески *отъ нечистаго духа*.» Всѣ почти народы, начиная отъ Австралійцевъ и оканчивая Европейцами, приписывали болѣзни злымъ духамъ, потому что они считали эти болѣзни зломъ, а нечистую силу виновникомъ всякаго зла.

Есть люди, которые различными средствами ⁵⁾ умѣютъ подчинять своей волѣ злыхъ духовъ и распоряжаются ими по произволу; они посылаютъ духовъ *по вѣтру*, предварительно заго-

сѣроводородный газъ, не смотря на то, что въ воздухѣ было 20 градусовъ мороза; нѣкоторыя мѣста болота во все не замерзали и отдавали свѣжымъ бѣлесоватымъ паромъ.

⁴⁾ По словамъ Максимова въ нѣкоторыхъ деревняхъ икота повсемѣстна, въ другихъ, и часто ближайшихъ, она пропадаетъ во все.

⁵⁾ Одинъ крестьянинъ, напускавши икоту, для знакомства съ дьяволомъ употребилъ слѣдующее средство: держалъ крестъ въ сапогѣ, подъ пятой, въ теченіи полусутокъ и приговаривалъ: «отрекаюсь Бога и животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки діаволомъ.» Послѣ сего дѣйствія, черезъ сутки, явились къ услугамъ его три чорта и требовали занятій (Годъ на Сѣверѣ т. 2 стр. 510). Ясно, что этотъ крестьянинъ страдалъ *галлюцинаціями*; можетъ быть отъ пьянства.

воривши ихъ на какое либо имя. Духъ нападаетъ на перваго встрѣтившагося, носящаго подобное имя, и поселяется въ немъ подъ названіемъ икоты. Иногда посылаютъ духовъ въ какой либо неодушевленный предметъ или въ насѣкомое, и человѣкъ запнувшійся за такой предметъ или проглотившій насѣкомое, и въ порывѣ негодованія оскорбившій ихъ бранью, становится также жертвою духа.

Въ архивѣ бывшей Архангельской Губернской Канцеляріи находится два очень любопытныхъ дѣла объ икотѣ; первое подъ заглавіемъ: «дѣло присланное с Мезени Устьявжской волости Березницкой деревни о крестьянинѣ Иванѣ Поповѣ, о напусканіи в той волости на крестьянъ икотной болѣзни» 1729 года, и второе «дѣло о кликушахъ» 1785 года ⁶⁾. Содержание перваго слѣдующее:

Въ 1729 году изъ Юромской волости послано такого рода донесеніе въ Мезенскую Земскую Канцелярію: «Въ нынѣшнемъ 1729 году сего Февраля нижеписаннаго дня въ нашей Юромской волости явилось многое число женска полу людей въ икотѣ, въ томъ числѣ въ Бугаевской деревни на Олисава Григорьевой дочери, а Василья Кукина женѣ; и оная Олисава говоритъ икотою и называетъ отцомъ и батюшкой тояжъ волости Никифора Кирилова сына Салмина: онъ на меня напустилъ икоту въ Верхнеконскомъ ручьѣ у Чюшева бани, а въ то время онъ Салминъ ѣхалъ съ сыномъ. Да оная же Олисава говоритъ икотою, что де онъ же Никифоръ икоту напустилъ на Прокопья Чубарева на жену его Ѳеклу Васильеву дочь да на Матѳея Меншикова на жену его Ѳеклу Григорьеву дочь..... да на Ѳофана Удина на жену его Евлампію Григорьеву дочь икотужъ зъ грыжею, а оная икота положена была на его на Ѳофана по сказкѣ оной же Олисавы; и вышеписанныхъ оная Олисава называетъ сестрицами своими, что де у насъ у всѣхъ одинъ батюшко Никифоръ Кириловъ Салминъ. Да онаяжъ Олисава говоритъ, что де на братчинѣ, въ домѣ у Ермолы Ларюкова оной же Никифоръ икоты напустилъ на Анфима Глотова да на Дѣяна Салмина, и по горкамъ икотъ многое число сказывать есть насажено и многія послѣ того икоты заговарятъ; и сказываетъ онаяжъ Олисава, и на Иванѣ Парыгинѣ есть де икота вельми тяжко

⁶⁾ Дѣло о крестьянинѣ Иванѣ Поповѣ показано по описи дѣламъ бывшей Архангельской Губернской Канцеляріи, оставленнымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ для храненія, подъ № 643, а О кликушахъ—по 1-й описи секретныхъ дѣлъ той же Канцеляріи, подъ № 3.

болѣзненно мучить безпрестанно Я нижеписанный съ десятскими и съ мірскими людьми онаго Никифора Кирилова для сыску ходили въ Юромской волости и шли мимо двора Прокопья Чубарева и жена его Оекла въ домѣ своемъ связана и кричитъ всячески не обычно и онаго Никифора имать и вязать и велми его искать не велить да оная же Оекла ходила въ домѣ къ Никифору Салмину и велѣла ему оную икоту избавить; и вышеозначеннаго Салмина сыскали въ Защелской деревни и свели въ домѣ его свой и отдали за десятскихъ за мірской караулъ и связали; и говорилъ оной Никифоръ, что де вы меня вяжете и меня де вѣдь и вязки держать не будутъ, и въ вязкахъ оной Никифоръ опростался и ножемъ самъ себя по горлу рѣзалъ и у караульщиковъ у десятскихъ руки въ кровь подрѣзалъ, а самъ говоритъ: высѣките и меня спустите, а на муку меня въ слободу не возите; тамъ мнѣ смерть будетъ. Да онаяжъ Олисава говорила икотою батюшко де мой Никифоръ Кириловъ ходитъ къ кокоры и велить матушку мою заморить, чтобъ икота не говорила, а икота говоритъ: меня де не заморишь, разве де матушку мою заморишь, а батюшко мой нынѣ каеця не такъ было сдѣлать, да пособить и самъ не можетъ. Да оной же Никифоръ Салминъ прежде сказывалъ Аникею Меншикову хотѣлъ уйти, а оный Кокора сказывалъ Акилины Оадѣевой матери ея Олисавины я де у ней икоты говоръ уйму, что икота не станетъ говорить; и онаяжъ Олисава икотою говоритъ оной же мой батюшко Никифоръ терпѣть не можетъ всѣхъ, погубить: давятъ его, а я при батюшкѣ говорить не могу на батюшку, понеже горло завязываетъ и затыкаетъ. Тестъ его Никофоровъ Сергѣй Ларюковъ при вышеписанномъ соцкомъ и при мірскихъ людяхъ сказывалъ: въ Февралѣ мѣсяцѣ ѣздилъ по улицамъ необычно многократно и на повѣти его было сило веревка излажена, и нашли его въ тѣсномъ мѣстѣ подъ передъизбьемъ и едва его вытянули, а жена его Софья удавиться не дала, понеже онъ Никифоръ знаетъ худобу. И я нижеименованный съ десятскимъ и мірскими людьми онаго Никифора, связавъ и закайдаливъ въ кайдалу, и за мірскимъ карауломъ въ вышеозначенную Мезенскую Канцелярію при семъ донешеніи выслалъ, и велѣли его Салмина въ оной Канцеляріи объявить воеводѣ господину Василью Михайловичу Тимашеву, и сіе доношеніе подать емужъ воеводѣ, и чтобъ онаго икотника Салмина повелѣно было во оную Мезенскую Канцелярію принять, понеже оный Салминъ и до напуску означенныхъ икотъ похвалялся надъ многими людьми недобрымъ дѣломъ, а именно надъ Оофаномъ Удинымъ, поне же нынѣ у нихъ и у его Оофанова жены икота явилась. О семъ доноситъ Юромскій волости соцкій Гаврило Нявинъ и десятскіе и мірскіе люди нижеподписавшіеся» (слѣдуютъ подписи).

Въ томъ же году священники, сотскій, десятской и мірскіе люди Юромской волости послали новое донесеніе въ Мезенскую Земскую Канцелярію, въ которомъ, между прочемъ, пишутъ: Невѣстка священника Теодора, Агрипина, которая имѣетъ за собою икотную тяжкую напущенную болѣзнь, стала икотою говорить и батюшкомъ своимъ называетъ другаго икотника Осипа Салмина, Кириллова брата. Упомянутый Осипъ, послѣ взятія брата, бѣжалъ и скрывался тайно, а когда былъ пойманъ и приведенъ въ домъ священника, тогда невѣстка его икотница Агрипина, стала называть Салмина батюшкомъ прямо въ лицо: ты на меня икоту напустилъ. Крестьянская жена Евдокія Окулева называетъ всею матушкою Софію Сергѣеву, жену Никифора Салмина, «понеже оная Софія икоту напускать умѣетъ; въ минувшемъ Мартѣ мѣсяцѣ оная Софія ѣздила въ Тигляевскую деревню и въ мірскую пролубь наметала живыхъ мышей, которыхъ мышей и Тигляевскіе многіе крестьяне видѣли и для такихъ мышей оныя Тигляевцы и пролубь загребли; и помянутая Евдокія Окулова икотою сказываетъ, что де оная ей матушка Софія мышей въ Тигляевскую пролубь метала, для напущенія на людей икотъ.» Дѣвочка Татьяна Салмина такъ объяснила причину своей болѣзни: «пришла она въ великій постъ на первой недѣли въ домъ къ Осипу Салмину по дерево, на которомъ правятъ скотинные сырые тюни и оная Татьяна говорила: гдѣ де Давыдко? надобно де отцу моему тюневое дерево, и онъ Осипъ Салминъ въ то время ея бранилъ всячески и прыскалъ на ней изо рта своего водою, и послѣ того и достальную остаточную воду вылилъ на ней на отмашъ; и съ того времени у ней дѣвки появилась напущенная отъ него Осипа икотная болѣзнь»..... «И въ нынѣшнемъ 1729 г., у насъ въ Юромской волости и въ деревняхъ у крестьянъ скотъ и овцы валились немалое число, а вышеписанные икотницы, которыя говорухи, икотою сказываютъ, что де они, икотники Никифоръ и Осипъ Салмины, прежде икоты на скотъ напускали и отъ той напущенной болѣзни скотъ и овцы у насъ валились; да онижъ говорухи икотою говорятъ, что еще наметано и насажено икотныхъ болѣзней по улицамъ и подорогамъ и въ каждахъ мѣстехъ, такожъ и по деревнямъ и по прясламъ многое число. Того ради просимъ дабы по Его Императорскаго Величества указомъ и по соборному уложенію онымъ икотникомъ Салминымъ и Никифора женѣ Софіи повелѣно было указъ учинить, чего они достойны, понеже оныя икотники явились таковы къ намъ нижеименованнымъ и ко всѣму міру страшнѣе и злѣе воровъ и разбойниковъ, а ежели оныя икотники какимъ нибудь случаемъ будутъ возвращены на прежнія свои жилища, то они и остальныхъ всѣхъ людей изгубятъ напущенною ико-

тою такожь и скотъ, и чтобъ отъ нихъ икотниковъ у насъ нынѣ и впредь въ народѣ и въ подушномъ сборѣ помѣшательства и остановки, такожь и доимокъ не было, и до сего нижеписаннаго числа оныя воры и икотники изгубили въ Юромской волости и въ разныхъ деревняхъ отъ нихъ напущенными икотами мужеска и женска полу людей, показанныхъ доношеніями, 74 человекъ, и тѣ вышеписанные люди отъ той икотной болѣзни зѣло болятъ и скорбятъ и мучатся безпрестанно, и смотрѣть на нихъ вельми ужасно, а иные изъ вышеписаннаго числа отъ тое болѣзни смертію помираютъ.»

Обвиненные Салмины отправлены были въ Мезенскую Земскую Канцелярію и посажены въ тюрьму; но, пользуясь темнотою ночи, бѣжали и не были отысканы. Въ слѣдующемъ 1730 г., по словамъ икотницъ—говорухъ, обвинены въ икотномъ дѣлѣ новыя лица Юромской же волости и также отосланы въ Мезень. Но чѣмъ кончилась ихъ участь, изъ дѣла не видно. Въ этомъ году вновь заболѣло икотою 158-мь человекъ; а всего съ прежними 74-мя (изъ которыхъ многіе умерли) 232-ва человекъ. Въ числѣ болѣзныхъ показано: замужнихъ женщинъ 116-ть, вдовъ 5-ть, малолѣтнихъ и взрослыхъ дѣвушекъ 26-ть; женатыхъ мужчинъ и мальчиковъ 84-ре.

Крестьянинъ Устьяжской волости Березницкой деревни Иванъ Поповъ, обвиняемый въ напусканіи икотъ, былъ отпущенъ изъ Мезенской Канцеляріи безъ всякаго наказанія, въ силу царскаго указа отъ 7-го Мая 1715 года: «Ежели гдѣ явятся мужеска или женска полу кликуши, то ихъ, имая, приводить въ приказъ, понеже въ прошломъ 1714 г., въ С.-Петербургѣ, въ церкви Св. Исаакія Далмацкаго, во время святой литургіи, плотничья жена Варвара Логинова кричала будто-испорчена, и потомъ она спрашивана, и сказала, что она не испорчена, а кричала притворствомъ» и пр.

Если упомянутая женщина допрашиваема была въ Приказѣ Тайныхъ и Розыскныхъ Дѣлъ и обвиняла себя въ томъ, что кричала притворно, ради мести, то мы не вѣримъ ей показанію, потому что въ этомъ приказѣ, при допросахъ, главную роль игралъ кнутъ; а извѣстно, что въ пыткахъ несчастные сознавались даже въ томъ, будто они превращались въ медвѣдей и сорокъ ?).

7) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи. Калачева. Т. 2. Пол. 1-я. Историч. труды до Карамзина, С. Соловьева.

Дѣло о кликушахъ, 1785 г., заключаетъ въ себѣ мнѣніе Епископа Веніамина объ икотѣ и икотницахъ. Мнѣніе это чрезвычайно замѣчательно по свѣтлому взгляду, — въ особенности если мы обратимъ вниманіе на лицо и на время, когда оно высказано. Приведемъ его цѣлкомъ.

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЕ НАМѢСТНИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ,

Отъ Веніамина Епископа Архангельскаго
и Холмогорскаго.

Ея Императорскаго Величества указомъ изъ Святѣйшаго Синода 1737 г. присланнымъ велѣно по силѣ духовнаго регламента и имяннаго блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны состоявшагося тогожь года (1737) указа о пресѣченіи въ россійскомъ народѣ происходящихъ въ соблазнъ немощнѣйшихъ суевѣрій, въ томъ числѣ и кликушъ, присылать въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ репорты по дважды въ годъ; и во исполненіе сего Ея Императорскаго Величества указа за первую половину минувшаго 1784 г., изъ Пинегскаго Духовнаго Правленія по вступившей въ то духовное правленіе Архангельской губерніи Пинегскаго Округа Сурскаго прихода отъ священниковъ сказкѣ въ Архангельскую Консисторію репортомъ представлено, что въ томъ Сурскомъ приходѣ кликушъ оказывается не малое число на женскомъ полѣ, которыя кричатъ въ домахъ и въ церквѣ, когда наипаче бываетъ кажденіе; но кто оныя по имянно имѣется, того въ томъ репортѣ не означено было; почему изъ Архангельской Духовной Консисторіи посланнымъ тогожь 1784 года Августа 16-го дня указомъ Сурскимъ священникамъ велѣно было показать имянно тѣхъ людей, которые кликуши производятъ, въ какія времена и въ чемъ ихъ кликушество состоитъ, то есть, какъ громко и что кричатъ или говорятъ, и съ какими припадками. На которой указъ черезъ тоже Пинегское Духовное Правленіе Сурскіе священники въ репортѣ своемъ показали поимянно таковыхъ людей въ ихъ приходѣ имѣющихся всего 19-ть человекъ, и подъ ихъ именами подписали, что именно и какъ кричатъ и кликушество свое производятъ, и тотъ ихъ Сурскихъ священниковъ репортъ въ копіи Святѣйшему Правительствующему Синоду минувшаго Ноября отъ 15-го дня на разсмотрѣніе отъ меня представленъ былъ съ такимъ засвидѣтельствомъ, что и въ другихъ приходахъ въ томъ же Пинегскомъ и Мезевскомъ округахъ имѣются кликуши, и о ко-

торыхъ хотя письменныхъ репортовъ и доказательствъ не имѣю, но отъ самовидцевъ довольно слыхалъ, что оныя кликуши, особливо на женскомъ полѣ бываемыя во всю жизнь свою страждутъ, рѣдкія лѣченіемъ свободдаются, но съ тѣмъ же умираютъ, что могутъ доказать не токмо священники, но и свѣтскіе люди въ тѣхъ округахъ живущіе. На которое мое представленіе Ея Императорскаго Величества указомъ изъ Святѣйшаго Синода Декабря отъ 11-го дня мнѣ предписано: «что какъ по Высочайшему о губерніяхъ 775 года Ноября 7-го дня учрежденію 399 статьи таковыя дѣла относятся къ разсмотрѣнію Совѣстнаго Суда, то на основаніи сего и сообщить изъ Консistorіи въ Архангельское Намѣстническое Правленіе о поступленіи съ ними по законамъ.»

Во исполненіе сего Ея Императорскаго Величества указа о пресѣченіи оной сожальтельной и въ народѣ распространяющейся болѣзни симъ Намѣстническому Правленію я сообщаю, съ слѣдующими при томъ объясненіями:

1-е) Страждущіе сею болѣзною въ здѣшнемъ народѣ называются *икотники*, а не кликуши, а болѣзнь самая икотою. Родъ сей болѣзни извѣстенъ не только въ округахъ Пинегскомъ и Мезенскомъ, но и въ прочихъ Архангельской губерніи селеніяхъ, и въ другихъ ближнихъ губерніяхъ.

2-е) Оныя икотники бываютъ двоякіе, какъ я отъ людей слыхалъ; одни нѣмые, которые заразясь сею болѣзною вскорости языка, и способности говорить лишаются. жесточае страждутъ и скоряе съ немалымъ мученіемъ умираютъ; а другіе по зараженіи говорятъ, меньшія по временамъ только, а не непрерывныя припадки имѣютъ, и долѣе, нежели первые проживаютъ.

3-е) Въ томъ же 1737 г., когда и указъ имянной блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны о пресѣченіи сей заразы послѣдовалъ, было строгое изслѣдованіе въ бывшей Мезенской Воеводской Канцеляріи, о людяхъ въ той же Сурской волости сею болѣзнію зараженныхъ, гдѣ и нынѣ оная оказывается, что и понынѣ многіе люди помнятъ. О семъ слѣдствіи дѣлъ у меня въ Консistorской архивѣ не находится: а не могутъ ли быть сысканы или въ той же Мезенской Воеводской, или здѣшней бывшей Губернской Канцеляріяхъ *),

*) Такого дѣла въ архивѣ бывшей Арх. Губ. Канц. мы не нашли. Въ 1848 г. Статист. Отдѣленіе Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отпра-

4-е) Я по должности и изъ сожалѣнія много о причинѣ сей болѣзни въ себѣ разсуждалъ; и не могу на то положиться, чтобъ она происходила отъ какого ни есть колдовства, какъ многіе изъ простаго народа сему вѣрятъ, а заключаю по одному моему мнѣнію, что вся сія болѣзнь и зараза дѣлается въ тѣхъ краяхъ отъ воды болотной и имѣющейся въ нечистыхъ ямахъ, стоячихъ озерахъ, и въ ручьяхъ отъ тѣхъ же ямъ, озерковъ и болотъ вытекающихъ; которою водою полнѣности или по неудобности на большія рѣки ходить, тѣ жители питаются, что я заключаю изъ слѣдующаго: Находясь въ прошломъ 1778 г., въ Пинежскомъ округѣ для обозрѣнія по долгу моему церквей переходилъ пѣшкомъ черезъ одну воду по малымъ жердямъ и доскамъ; и спросилъ, что та вода есть: рѣка или озеро? отвѣчали мнѣ шедшіе за мною того мѣста жители, что «это, де, есть ручей, вытекающій изъ болотнаго озера и мы изъ сего ручья воду на пищу употребляемъ.» Я примѣтя въ томъ ручьѣ воду черную и густую, тогда же уговаривалъ ихъ, что не подлежатъ оную воду употреблять на пищу потому что отъ нечистотъ оной воды могутъ въ васъ болѣзни родиться; и тѣмъ, которые жаловались на желудочные свои болѣзни, я причину онымъ на сію воду полагалъ. Подобнымъ образомъ не имѣется-ль и въ другихъ мѣстахъ такія нечистыя или еще болѣе худыя предъ тою водою, а наипаче въ той Сурской волости, гдѣ какъ корень сихъ икотниковъ изъ давнаго времени продолжается, которыми водами люди питаются, не получаютъ ли въ себя сѣмянъ или зародышей такихъ червей, которые зародясь въ ихъ желудкахъ, болѣзни тѣ производятъ?—Болѣзнь оная икота бываетъ болѣе на женскомъ полѣ, нежели на мужскомъ, что видно изъ репорта Сурскихъ священниковъ и изъ другихъ слуховъ. Сіе дѣлается можетъ быть изъ того, что въ женскихъ желудкахъ, яко слабѣйшихъ, сѣмена или зародыши тѣхъ червей болѣе, а въ мужскихъ отъ работъ или крѣпкихъ напитковъ не столько усиливаются, или въ самомъ началѣ истребляются, Сурскіе священники въ репортѣ показываютъ, что крикъ свой икотники производятъ при кажденіи во время выходовъ; а по народнымъ пзвѣстьямъ припадки сіи въ нихъ тожъ являются, когда новопріѣзжихъ видятъ, когда странное и ими неожиданное дѣйствіе имъ представляется и когда разсержены бываютъ. Чему можетъ быть натуральною причиною то,

лено какъ видно изъ описей, „дѣло производившееся съ 1713 по 1724 г. по донесенію Пустозерскаго острога смотрителей съ требованіемъ указа на явившихся злыхъ людей, бого-отступниковъ, еретиковъ и икотниковъ, отъ которыхъ чинятся въ здоровьи человѣческомъ повреды.

что при тѣхъ нечаемыхъ ими случаяхъ въ утробахъ ихъ кроющаяся болѣзнь болѣе возбуждается.

Есть и другая въ здѣшнемъ народѣ и особливо въ поморскихъ странахъ болѣзнь называемая *стрѣлы*, которая въ томъ состоитъ, что по тѣлу у человѣка съ наружи волосы на подобіе оленьихъ бѣлые и на подобіе лошадиныхъ черные и красные, длиною отъ одного и до четырехъ вершковъ и долѣе вырастаютъ, и дѣлаютъ пузыри на тѣлѣ, гдѣ находятся, и тѣмъ немалую боль причиняютъ человѣку. Простые люди вѣрятъ, что и сія болѣзнь отъ наговариванья происходитъ, и потому говорятъ: «стрѣлы напущены.» Такожь и сія болѣзнь, какъ и икотная, отъ самихъ людей дѣлается, а не отъ колдовства. Стрѣлы сіи ни что иное суть, какъ черви живыя на подобіе волосъ въ тѣло вселившіеся и вселяются отъ умыванія въ банѣ или въ другое время такою нечистою водою, въ которой сѣмена и зародыши тѣхъ животныхъ имѣются. Повѣрніи сихъ волосъ изъ тѣла примѣчено многими, что оныя волосы въ водѣ въ стаканѣ хрустальномъ шевелились, какъ живые, у которыхъ одинъ конецъ толще, а другой тонѣе: и бывають они у человѣка на тѣхъ тѣла частяхъ, которые больше одѣваются и потѣютъ, какъ-то: на спинѣ, на брюхѣ, на ногахъ, а иногда на рѣсницахъ около глазъ. Сіи стрѣлы тоже суть, что и во многихъ мѣстахъ болѣзнь есть *волосатикъ* *), гдѣ одинъ волосъ на подобіе лошадиного со дня на день въ тѣлѣ живой вырастаетъ. Сіи волосы живые нарочито долины усматриваються и въ озерахъ или лужахъ стоячихъ и не проходныхъ. Одинъ человѣкъ мнѣ знакомый истребилъ изъ ноги своей такого рода волосъ прикладывая къ оной нѣкоторое число ржаныхъ колосковъ, и примачивая оныя теплою водою; и на оныя колоски самъ волосъ изъ тѣла выходя, по колоскамъ обвивался, зная, что привлекаемъ хлѣбнымъ запахомъ. А стрѣлы здѣсь выводятъ руками, вытаскивая оныя при натираніи тѣла какимъ то саломъ и давая оное внутрь принимать съ деревяннымъ масломъ. При томъ лѣчители, особливо старухи нѣкоторыя рѣчи наговаривають. И потому простые вѣрятъ, что оныя стрѣлы выводятся и напускаются отъ наговариванья. Какъ сіи стрѣлы или волосы живыми оказывающіеся происходятъ отъ нечистой воды, такъ и икота въ людяхъ зарождается не отъ колдовства, но отъ такой же болотной или озерной воды.

*) *Filaria medinensis*.

По симъ причинамъ, я Намѣстническому Правленію объясняюсь, что сіе кликушество или икота такожь и стрѣлы есть не колдовство, но *натуральная болѣзнь*, и происходитъ не отъ воды ли въ самомъ дѣлѣ нечистой и производящей въ человѣкѣ черви? И ежели не вода тому причиною, то не отъ пищи ли ихъ гнилой или другихъ какихъ причинъ, а не отъ наговариванія въ человѣка вселяются? И потому не подлежитъ ли симъ людямъ икотой и стрѣлами страдающимъ изобрѣвъ истинную причину, подать прежде средство къ избѣжанію и излѣченію тѣхъ болѣзней, нежели судить ихъ какъ преступниковъ⁹⁾? Впрочемъ, все то предоставляю на благоразсмотрительное рѣшеніе Намѣстническаго Правленія и реестръ Сурскихъ священниковъ съ именами оказавшихся въ ихъ приходѣ кликушъ и съ показаніемъ какъ кликушество свое и съ какими припадками производятъ въ копіи при семъ прилагаю.

Епископъ Веніаминъ.

№ 15.

Февраля 10го дня 1785 года.

Послѣ именнаго списка 19^{ть} женщинъ, въ донесеніи Сурскихъ священниковъ сказано: «и оныя именованныя женщины кричатъ необычно во время хожденія со крестомъ и со святыми водами, а наипече во время кажденія, и въ протчія времена, когда оныя кликуши начнутъ мучить тогда иныя бывають безъ памяти и ударяють сами себя и за волосы терзають и сквернословятся всячески. Октября 15го дня 1784 года.»

Когда готова была наша статья, намъ удалось записать нѣсколько рассказовъ объ икотѣ отъ крестьянки Пинежскаго уѣзда; приводимъ ихъ здѣсь.

«Въ городѣ (въ Холмогорахъ) была дѣвка, все лбомъ глядитъ (знатливы всегда въ землю глядятъ); такъ она икоту насаживала: многихъ здѣсь портила (на одну жонку стрѣлы напустила). Она жила у Фильки прелубника и учила его людей портить; узнали и допросили Фильку: «зачѣмъ ты держишь?» его посадили на двое сутки, а ее выгнали изъ города.

⁹⁾ Въ 1815 году крестьянинъ, судимый за напусканіе икоты, наказанъ былъ 35 ударами кнута и отданъ церковному публичному покаянію.

Въ городѣ у многихъ женокъ икота есть и въ Матигорахъ есть: испорчены. Къ намъ сюда ходитъ молодая жонка, здорова, хороша: красна да бѣла; тоже икотница. Она рассказываетъ: когда чего захочу: вина ли, изюму ли, или тамъ чего то сейчасъ покупаю; наемся и отпуститъ (икота) и хорошо а какъ не потѣшу (икоту), не куплю, то всѣ волосы оборву у себя и руки сломаю, и пролежу больная, ничего дѣлать не замогу.

Въ нашей деревни (46 дворовъ) икота есть почти у всѣхъ женокъ, у двухъ мужиковъ была и у двухъ дѣвокъ, у мальчиковъ не видали ни у кого. У снохи, у сватьи, у матки, у каждой жонки есть; у меня только сердце заѣдать: ажно мнѣ тошно, грызьмя грызеть; терпѣнья нѣтъ, какъ она тамъ грызеть его; ходитъ въ руку или въ ногу, или въ колѣно и бьется, какъ рыбка, сама какъ горбышекъ, синя;хватишь, такъ и не бьется.

Икота ребенка въ брюхѣ съѣдать, вотъ тѣ Христось съѣдать; довольно ребятъ заѣдаютъ. Одна жонка ее не любила, не тѣшила, чего захочетъ, значить не покупала; такъ она у ребенка уши да затылокъ, да пальцы у рукъ съѣла.

Сватья Марья, старушонка, не любитъ парня чорнаго (есть парень чорный, какъ цыганъ), гоняется за нимъ, палку возьметъ и—побѣжитъ; додразнять до того, что она упадетъ, да почнетъ сама на себѣ волосы рвать да кричать; роздуетъ всю, шея роздуется, сама покраснѣетъ, жилы на прыгетъся; руками хлопать о что попало.

Мужики узнаютъ чего не любятъ икоты и нарочно дразнятъ. У сватьи парня не любитъ, у невѣстки табаку; гдѣ курятъ табакъ, она зайдетъ и упадетъ, и закричитъ, или когда чего захочетъ, повалится и ревить: дай да и только; мужъ не купитъ, такъ пролежитъ, а купитъ—наѣтся и пойдетъ на работу. Никакого стыда въ ту пору жонка не имѣетъ: матюгается, изорветъ все платье, рубаху: какая же бы неволя притворяться.

У меня мать усю роздуетъ, на полу лежитъ сутки, какъ мертва, даже головы не подниметъ, языкъ захватитъ (*она, т. е. икота, сильна тварь*), захватитъ, зажметъ горло. Мы не по однежды по матери плакали: какъ мертва лежитъ; съ молодыхъ лѣтъ у ней двѣ насажено: первая вина не пила, все сладости ѣла, а вторая вино стала пить; matka другое сто живетъ, а все болятъ. Страшно глядѣть, какъ мучить да бьетъ икота, еслибы

невидѣли, такъ не сказали бы что притворяется, поняли бы вѣры. Случается довольно часто, что сама, когда никого въ избѣ нѣтъ, бьется; а у людей довольно и помираютъ.

Свекровка не пооднежды надала съ полатъ. Разъ я утромъ мелю на дворѣ жерновъ, она и забилась, и упала; я пришла, она кричитъ: вотъ какъ я погуляю! и рветъ волосы; чужихъ мужиковъ попросила да придержали, послѣ уложили, заснула и долго спала. Разъ увидѣла мышъ, испугалась, и ну биться: волосы рветъ, руки въ крови, кровь изъ носа, кричала и уснула. Довольно случается одну бьетъ (т. е. въ отсутствіе людей); однежды билась сама, да въ подпольѣ упала: свину всю обрусачила о лѣсницу, да все рветъ волосы у себя; полно горстьѣ. Случается такъ, что бьется, бьется жонка и умереть это, говорятъ, *смертная* икота; а не смертная—какъ не бьется, то не умереть. Бываетъ еще *ильмая* икота: человекъ упадетъ на земь, иѣна жолтая изо рта клубками бьетъ, а не говорить, только стонетъ; которая говорить, та человекъ легче.

На мужикахъ въ нашей волости была на зятѣ да на чужомъ старикѣ. Зятя пора-то мучила, иногда на пожни начнетъ его мучить; тоже кричалъ; въ икотѣ круглый годъ лежалъ; какъ она загнуздится, заговорить, закричить, то легче. На дѣвкахъ у насъ было на двухъ; одна дѣвка такъ и осталась дѣвкою, а сватали: «куда я пойду съ этимъ съ нездоровьемъ, чужаго вѣку задѣвать.»

Въ Пинегу (т. е. въ Пинежскомъ уѣздѣ) много народу дурачится, людей портить. Мужикъ на мужика разсердится, да на жену икоту напускаютъ; по вѣтру напускаютъ и всяко, на говорить на что нибудь да плюнетъ; пойдешь заннешься: ну тѣ лѣшій съ тобой (этого слова она не любитъ), и скочить тогда. Она говорятъ, передъ смертью выскочить въ другаго человека, или на колъ сядетъ до времени, и нападетъ на женщину въ тоже имя. Про нашего свата про Максима говорятъ, что Максимъ икотникъ. Я съ тѣхъ поръ болѣю, какъ онъ далъ мнѣ стаканъ вина на свадьбѣ; я послѣ того вина блевала только отъѣдала. Всѣ говорили, что поднесъ Максимъ; не можетъ утерпѣть, чтобъ не напустить. Кто учится этому дѣлу, долженъ отца—мать проклянуть и врестъ подъ пятой держать. Не дай, Господи, бѣда! Первый разъ надобно на свой домъ насадить. Здѣшніе-то гдѣ нахватили, не все въ Пинегу ѣздятъ, здѣсь мастера есть.

Говорятъ когда миромъ напоютъ (пріобщать) иной поправляется: миръ осадить ее; мнѣ совѣтывали: еходи къ попу, миру

дать; кому по душѣ—въ пользу, такъ станетъ по правляться, а мнѣ все не было помощи, не пособлялъ миръ.»

Крестьянинъ Вашкаринской волости, находящейся въ 4-хъ верстахъ отъ Холмогоръ, сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія объ икотѣ: «лѣтъ двадцать тому назадъ у насъ ея во все не было, а теперь съ каждымъ годомъ увеличивается; теперь больныхъ въ нашей волости тридцать человекъ, между ними два мужчины; поучили Мезенцы.»

Изъ приведенныхъ разсказовъ видно, что народъ подъ именемъ икоты разумѣетъ всевозможныя болѣзни, и что, все таки, главное мѣсто между ними занимаютъ болѣзни нервныя; послѣдняго никоимъ образомъ нельзя отрицать.

Очень часто люди со спеціальнымъ образованіемъ приписываютъ икоту одному притворству, и въ доказательство своего мнѣнія приводятъ во 1-хъ то, что икотницы имѣютъ различныя прихоти, неудовлетвореніе которыхъ служитъ причиной припадковъ, и во 2-хъ, что угрозами и страхомъ наказанія можно, если не предупредить припадка, то, по крайней мѣрѣ достигнуть того, что онъ окончится ничѣмъ: больная помучится (по ихъ мнѣнію притворно) да и перестанетъ наконецъ.

Такое мнѣніе намъ кажется просто незнаніемъ главныхъ свойствъ нервныхъ болѣзней. «Сущность такъ называемой нервной слабости состоитъ именно въ томъ, что *непроизвольный* нервный проводъ (отраженіе, irradiation) производится слишкомъ легко и скоро, т. е. *слишкомъ запальчиво*; слабонервныя женщины не въ состояніи сопротивляться вліянію различныхъ впечатлѣній; малѣйшее душевное или тѣлесное раздраженіе имъ не по силамъ; у нихъ часто, съ быстротою молніи, наступаютъ самыя разнообразныя тѣлесныя и душевныя разстройства, и, смотря по степени раздраженія и чувствительности, эти нервныя отраженія обнаруживаются въ судорожныхъ движеніяхъ или наружныхъ мышцъ (spasmes) разныхъ степеней, или внутреннихъ, произволу подлежащихъ (сердце, пищеварительные органы), отъ чего зависятъ біеніе сердца, корчи желудка, удушье и т. п.»¹⁰⁾ Изъ сказаннаго видно, что отражательное явленіе и припадокъ происходитъ *противъ воли*, часто отъ неудовлетворенія какого нибудь пустаго желанія или прихоти. Говорятъ,

¹⁰⁾ Другъ Здравія, врачебная газета, 1862 г. № 39. Объ истерикѣ въ гигиеническомъ отношеніи 305 стр.

что силой воли можно удержаться отъ быстрой передачи впечатлѣній мозгу и нервамъ движенія. Говорящіе такъ забываютъ что воля *есть произведеніе, результатъ организма* *) и что, слѣдовательно, она гармонируетъ всегда съ состояніемъ организма и въ особенности нервовъ. Бодрый духъ въ немощномъ тѣлѣ бываетъ только или у фанатиковъ, преслѣдующихъ одну какую нибудь цѣль, или у людей сознательно развившихъ свою волю. Положеніе женщины рѣшительно препятствуетъ развитію энергіи воли. Отъ рожденія и до смерти надъ нею тяготитъ семейный и общественный гнетъ: до замужества она раба, или вещь родителей, которые въ самомъ жизненномъ для нея вопросѣ (я говорю о бракѣ) часто располагаютъ ею по собственному желанію или прихоти, не спрашиваясь о ея сердечномъ влеченіи; въ замужествѣ она раба своего мужа. Общественное мнѣніе и неравенство нравъ съ мушинами также препятствуетъ имъ свободно располагать собою. Все это болѣзненно дѣйствуетъ на нервы и производитъ слабость воли. Человѣкъ съ твердой волей можетъ дѣйствовать на слабо-нервную женщину и страхомъ или угрозами можетъ на нѣкоторое время воспрепятствовать быстрымъ рефлексивнымъ явленіямъ, или припадкамъ; но это ни чуть не свидѣтельствуетъ о притворствѣ больныхъ.

Дополненіе. Прилагаемъ замѣтку объ икотѣ, присланную намъ исправляющимъ должность Пинежскаго Судебнаго Слѣдователя П. П. Чубинскимъ. «Въ Пинежскомъ уѣздѣ болѣзнь, называемая икотою, чрезвычайно распространена, особенно вверхъ по р. Пинегѣ, и бываетъ не только у женщинъ, но даже и у мужчинъ, хотя у послѣднихъ довольно рѣдко. Болѣзнь эта насыщается злыми людьми. Наслатъ икоту, значитъ «*испортить*» человѣка, какъ здѣсь выражаются. Икоту насылаютъ чародѣи, или колдуны, которые знаютъ съ нечистою силою. Они «*портятъ*» людей, часто по весьма ничтожныхъ причинамъ, такъ на прим. одинъ парень мнѣ обяснялъ, что у его матери икота произошла слѣдующимъ образомъ: ей прислали мыть рубаху для рекрута поздно вечеромъ; она сказала, что у ней нѣтъ свѣчи, — пусть ей пришлютъ свѣчу, и она вымоетъ рубаху. Ей прислали свѣчу и съ этихъ поръ съ ней сдѣлалась икота. Та-

*) Пр. Ред. Вопросъ о волѣ далеко нерѣшенъ такъ положительно, какъ высказывается авторъ. Существуетъ и другое мнѣніе, имѣющее на своей сторонѣ сильные доводы. Если принятое авторомъ положеніе принять безусловно справедливое — тогда нѣтъ преступленія, нѣтъ преступника; нѣтъ заслуги, нѣтъ подвига.

кимъ образомъ, виновницей икоты оказывается заколдованная свѣча. Другой случай. Если спросить у другой женщины, обладающей икотой: «икота, икота, какъ ты къ ней попала?» то на это получается отвѣтъ: «я сидѣла на колышкѣ, а о на шла за травой, разорвала сарафанъ за сучекъ и сказала: чортъ съ тобой,—на это слово я къ ней и попала.» Вотъ какимъ образомъ объясняетъ сама икота свое происхождение. Изъ этого видно, что икота иногда происходитъ еще отъ произнесенія имени лукаваго въ несчастную минуту.

Я самъ былъ очевидцемъ возникновенія икоты. У моей кухарки, жены пьянаго солдата, началась дѣлаться тошнота; она стала выговаривать слова по дѣтски, но дикимъ голосомъ; стала произносить скверныя слова и въ этомъ состояніи покушалась пророчествовать по производившемуся у меня дѣлу о воровствѣ—кражѣ.»

«Сейчасъ же начались объясненія отъ чего икота. Вспомнили, что, на дняхъ, были найдены на крыльцѣ узелки съ какою-то дрянью и объяснили, что вѣроятно эти узелки были заговорены. Икотница сейчасъ вспомнила одну бабу, у которой нѣсколько разъ покупала яйца и, вообразивши, что вѣроятно она испортила ее, требовала, чтобы позвать эту старуху,—она ее прибьетъ.»

Здѣсь общее убѣжденіе, что стоитъ только прибить до крови того, который портитъ людей и—икота не пристанетъ къ тому который побилъ.

Отъ икоты пьютъ какое-то зелье, названія котораго я не могъ добиться. Отъ этого зелья происходитъ рвота, вмѣстѣ съ которой выходитъ и икота въ видѣ *квакушки*, т. е. лягушки, или въ видѣ *гнуса*, т. е. мыши. Гнусъ считается самымъ гадкимъ животнымъ и посудина, въ которую попадаетъ гнусъ, считается оскверненною,

Большая часть икотницъ не выносятъ табачнаго дыма; это кажется, произошло отъ вліянія раскола. Презрѣніе и ненависть къ табаку, какъ къ чортову зелью, доводитъ до истерики. Икота почти всегда сопровождается тошнотою, такъ что можно сказать, что икотницы страдаютъ желудкомъ. Такимъ образомъ: страданія желудка, отвращеніе къ какому нибудь предмету, на примѣръ къ табаку*), суевѣріе,—все это, вмѣстѣ взятое, произ-

*) У одной женщины дѣлается икота, когда ей скажутъ: не хочетъ ли

водитъ икоту. Надо замѣтить, что у икотницъ есть извѣстная доля притворства, иногда полезнаго для нихъ въ жизни. Икота иногда является, какъ протестъ. Угнетенная женщина притворяется икотницею, чтобы избѣжать грубыхъ выходокъ мужа; потомъ это мало—по малу обращается въ привычку. У каждой икотницы есть свои задушевные желанія; у одной икота требуетъ водки, — у другой чего нибудь другаго, и икотницу нужно удовлетворить, потому—что иначе икота приметъ большіе размѣры; такъ,—что, притворяясь икотницей, женщина можетъ достигнуть своего задушевнаго желанія, достигнуть того, что ея желаніе будетъ исполнено мужчиной, который, въ крестьянскомъ быту, привыкъ господствовать надъ женщиной, привыкъ не уважать ея желанія.

Икота называется иногда скорбью.»

П. Ефименко.

она кислой сайды? Вѣроятно это происходитъ отъ представленія этой женщиною отвратительнаго запаха-кислой сайды.

О Ч Е Р К Ъ

ПРОМЫШЛЕННОСТИ

МЕЗЕНСКАГО УЪЗДА.

Жители Мезенскаго уѣзда состоятъ изъ трехъ элементовъ: 1) собственно-*Русскихъ*, частію прибывшихъ въ этотъ край съ давняго времени по дѣламъ торговымъ и промышленнымъ, и тутъ основавшихъ свое жительство, частію выселенныхъ сюда изъ внутреннихъ губерній по распоряженію Правительства, на житье за проступки. Вообще Русскихъ, которые всѣ государственные крестьяне, числилось къ 1-му Января 1863 года 21,098 душъ, въ томъ числѣ: 10,151 мужскаго и 10,947 женскаго пола; 2) *Зырянъ* добровольныхъ въ давнее время выходцевъ изъ Вологодской губерніи Яренскаго уѣзда. Зыряне говорятъ особымъ языкомъ и всѣ государственные крестьяне,—ихъ по 1-го Января 1863 года числилось 11,049 душъ, въ томъ числѣ: 5,334 мужскаго и 5,715 женскаго пола. и 3) Коренныхъ *) мѣстныхъ жителей *Самоѣдовъ*, говорящихъ такъ же особымъ языкомъ. Самоѣды къ тому же 1-му Января числилось: 5,854 души, въ томъ числѣ: 3,060 мужскаго и 2,704 женскаго пола.

Населенность русскихъ преимущественно расположилась по рѣкамъ. Мезени и Печерѣ, а частію по рѣкамъ: Пезѣ, Цыльмѣ, Пихсмѣ и Вашкѣ. Зырянъ по рѣкѣ Ихсмѣ, по рѣчкѣ Нерицѣ, впадающей въ рѣку Печору, и по самой рѣкѣ Печерѣ. Кочевья Самоѣдовъ занимаютъ тундры: Канинскую, Малоземельскую и Большеземельскую. Впрочемъ въ Канинской тундрѣ основалось, хотя и произвольно, селеніе Несь, при рѣчкѣ Неси, изъ мѣщанъ города Мезени, арендующихъ землю принадлежащую Мезенскому, Богоявленскому Собору,—а въ Малоземельской поселились государственные крестьяне по рѣчкамъ: Вижасу, Омѣ, Снопѣ, Пешѣ и Индигѣ, впадающимъ въ Чесскую губу.

*) По давности.

О времени основанія русскихъ населеній, мѣстныхъ свѣдѣній не имѣется; на противъ того между Зырянами сохранились письменныя замѣтки, изъ которыхъ видно, что первое поселеніе Зырянъ въ Запечерскомъ краѣ Мезенскаго уѣзда началось въ 1400 года и окончилось въ 1838 году. Такъ изъ слободы Глотовой Яренскаго уѣзда, расположенной на рѣкѣ Ижмѣ, Зыряне въ 1400 году, переселились въ разстояніи 60 верстъ отъ впаденія рѣки Ижмы въ рѣку Печеру, гдѣ и образовалось Ижемское селеніе. Затѣмъ по рѣкѣ Ижмѣ въ 1734 г., образовалось селеніе Сизябское, въ 1737—Мохченское; въ 1742 дер. Гамская, въ 1753 дер. Красноборская, Дибожская, Малогановская; въ 1755 дер. Мошьюская, Кельчигорская и Устьижемская; въ 1760 дер. Поромежская; въ 1762 дер. Картаельская, въ 1765 дер. Кедвавомская; въ 1790 дер. Косьельская; въ 1800 дер. Щельская; въ 1813 дер. Сюзская, Порогская и Большепоженская, и въ 1812 дер. Усть-Ухтинская; при р. Нерицѣ дер. Нерицкая, въ 1755 и при р. Печерѣ въ 1770 Устькожвинская, Шлегорская, Няшабожская и Усть-Усинская; въ 1755 дер. Щельягорская, въ 1795 дер. Брыкаловская; въ 1813—Устьмыжинская; въ 1838 дер. Новикъ-Божская; наконецъ когда основалась дер. Прасконская и Кирьянскій Материкъ—свѣдѣній нѣтъ.

Изъ двухъ слободъ: Большой—Окладниковой и Малокузнецовской въ 1780 г., образовался близъ устья рѣки Мезени впадающей въ Бѣлое море, или точнѣе въ Мезенскую губу, административный пунктъ: городъ Мезень, подъ 65°, 50 сѣверной широты и 61°, 56 восточной долготы, и крестьяне этихъ двухъ слободъ переименованы въ мѣщанъ.

Мѣщане и государственные крестьяне изъ Русскихъ занимаются:

- 1) Хлѣбопашествомъ,—ячмень, рожь, картофель.
- 2) Скотоводствомъ: лошади, рогатый скотъ, овцы и олени.
- 3) Боемъ морскихъ звѣрей: моржей, нерпъ, морскихъ зайцевъ и бѣлухъ.
- 4) Ловлею морской рыбы: семги, частью нельмы, морскихъ камбалъ, наваги и омулей.
- 5) Ловлею озерной и рѣчной рыбы: щуку, окуней, сига, харюсовъ, налимовъ и сельдей.
- 6) Добываніемъ пушныхъ звѣрей: медвѣдей, волковъ, лисицъ, куницъ, песцовъ, горностаевъ, бѣлокъ, зайцевъ, розсомахъ, норокъ и выдръ.